Н. С. ЛЕСКОВ

Евреи в России

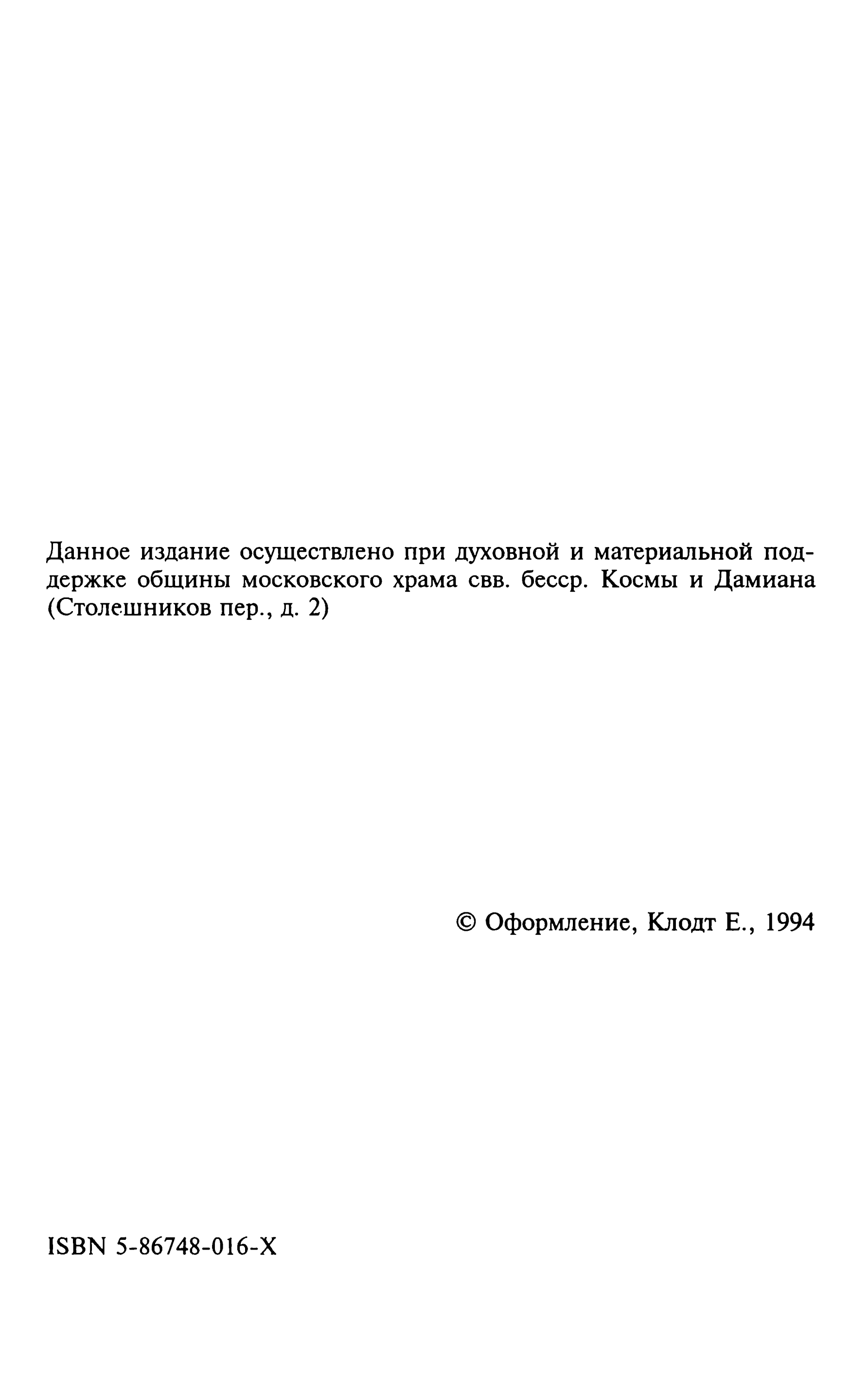
Н. С. ЛЕСКОВ

Евреи в России

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
ПО ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

Москва 1994

Данное издание осуществлено при духовной и материальной поддержке общины московского храма свв. бесср. Космы и Дамиана (Столешников пер., д. 2)

ISBN 5-86748-016-X

Печатаемая брошюра Н.С.Лескова «Евреи в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу» не отмечена в статьях, посвященных описанию жизни и деятельности Лескова, так как выпущенное в 1884 г. анонимно, в количестве всего пятидесяти экземпляров, это произведение осталось неизвестным критикам и библиографам. А между тем, представляя собою интерес с историко-общественной точки зрения, оно является также важным материалом для выяснения социально-политических воззрений Лескова. Вместе с тем, знакомясь с обстоятельствами, при которых была написана его брошюра, мы узнаем об одном эпизоде из истории борьбы за эмансипацию евреев.

Как художник, Лесков общепризнан, и его имени отведено место в ряду лучших русских мастеров пера. В нем видят также одного из виднейших русских писателей-этнографов. Но как публицист, как глашатай известных общественно-политических стремлений, Лесков не только не нашел друзей ни в одном из лагерей, но всюду встречал недоверие и вражду. И только после смерти Лескова, когда острота этого неприязненного отношения к нему сгладилась, критики, остановившись на выяснении причин, вызвавших общественный остракизм Лескова, пришла к заключению, что тут вышло печальное недоразумение, что современники не вполне поняли своеобразную личность Лескова.

Лесков родился в 1831 г. в Орловской губернии. Его отец вышел из духовной семьи, а мать из дворянской. Отсутствие средств помешало Лескову кончить гимназию, однако при содействии некоторых киевских профессоров ему удалось пополнить свое образование. Служа в рекрутском присутствии, а позже состоя на службе у частного лица, Лесков много разъезжал по России, и, благодаря этому, он имел возможность близко ознакомиться с различными кругами населения.

Напечатав в 1860 г. несколько статей, Лесков переселился в Петербург и здесь, на тридцатом году своей жизни, всецело отдался литературной деятельности. Одним из его ближайших друзей становится Артур Бенни, который, в виду его тесных сношений с русскими эмигрантами, группировавшимися в Лондоне вокруг Герцена, был принят в России за герценовского «эмиссара»; Лесков и Бенни

совместно работали в журнале «Северная пчела», и это поставило Лескова в ряды поборников прогресса. Однако уже вскоре обоим друзьям пришлось вынести тяжелое испытание. Бенни был заподозрен в шпионстве, вследствие чего был вынужден прервать связь с петербургскими политическими кружками, и после смерти Бенни самому Лескову и И.С.Тургеневу надо было приложить усилия, чтобы охранить его память от клеветы. Что касается Лескова, то в 1862 г., когда в Петербурге произошли массовые пожары, виновниками коих злобная молва объявила студентов, Лесков написал в «Северной пчеле» статью, в которой, между прочим, писал, что правительство должно заявить, основательны ли эти слухи о поджигателях, так как «щадить адских злодеев не должно, но и не следует рисковать ни одним волоском ни одной головы, живущей в столице и подвергающейся небезопасным нареканиям со стороны перепуганного народа». Журнал «Северная пчела» не был популярен, и статью Лескова мало кто прочитал, и поэтому распространившееся известие, будто Лесков желает натравить полицию на студентов, было принято на веру; старания Лескова снять с себя обвинение оказалось безрезультатными, и имя Лескова подвергалось тяжким оскорблениям. Когда же в 1864 г. появился роман Лескова «Некуда», автор (псевдоним Стебницкой) был объявлен темным реакционером. Однако впоследствии критика, например, в лице С.А.Венгерова признала этот суд в значительной мере несправедливым, ибо Лесков вывел в своем произведении отнюдь не одни отрицательные типы из мира «нигилистов»; и Лесков, и другие писатели выступали с более резкими выпадами против нигилизма, не вызывая против себя такого озлобления, какому подвергся Лесков за роман «Некуда». Быть может, в этом неожиданно обрушившемся на Лескова гонении таится причина того, что в течение ближайших лет он продолжал рисовать в самых мрачных красках «нигилистов». Но в 70-х годах наступает перелом в настроении Лескова, и из-под его пера начинают выходить прекрасно написанные рассказы бытового характера, и его произведениям предоставляется место в либеральной печати. Но тут Лесков создает себе новых врагов: его «Мелочи архиерейской жизни», имевшие значительный успех, были неприязненно встречены в кругу духовенства, которое ранее не имело повода сетовать на Лескова. Это новое направление, твердо усвоенное теперь Лесковым в литературной деятельность, привело к тому, что Лесков был вынужден покинуть службу в качестве члена учебных отделов в министерствах народного просвещения и государственных имуществ.

Многие из произведений Лескова носят на себе печать не только анекдотического элемента, но и даже шаржа. Этой чертой отличаются и рассказы, в коих выступают евреи. Благодаря этому Лесков прослыл юдофобом, при чем этот взгляд на него удержался до последнего времени. А между тем, если отречься от предубеждения, то нельзя не признать, что Лесков отнюдь не принадлежал к человеконенавистникам; он высмеивает в грубой форме евреев, но не озлобление, не ненависть к человеку лежит в основе его рассказов. Напротив, острие его пера, в сущности, направлено против тех, кто совершает насилие над евреем. Рассказ «Владычный суд» (из последних воспоминаний), в котором описывается трагический случай, когда у одного бедного еврея-переплетчика насильственно отняли малолетнего сына и сдали в кантонисты (малолетние солдаты), производит сильнейшее впечатление; аксессуары шаржа бледнеют на ряду с мастерски описанным страдальцем-отцом; пошлое отношение к выводимым персонажам-евреям тонет в переживаниях, испытываемых при чтении тех строк рассказа, в которых говорится о кровавом поте, в действительности появившемся на несчастном отце. «Кто никогда не видел этого кровавого пота, — писал Лесков, — а таких, я думаю, очень много, так как есть значительная доля людей, которые даже сомневаются в самой возможности такого явления, — я тем могу сказать, что я сам видел и что это невыразимо страшно. По крайней мере, это росистое клюквенное пятно на предсердии до сих пор живо стоит в моих глазах, и мне кажется, будто я видел сквозь него отверстое человеческое сердце, страдающее самою тяжкою мукою, — мукою отца, стремящегося спасти своего ребенка... О, еще раз скажу: это ужасно».

Вообще Лесков, знакомый с бытовыми условиями еврейской жизни, искалеченной благодаря жестоким ограничительным законам, правдиво рисует некоторые отрицательные стороны еврейской общественности в эпоху Николая I. Наибольшее проявление антисемитизма Лескова иные видят в его рассказе «Жидовская кувырколлегия», но в этом аляповатом фарсе, в этом повествовании, которое ведется от имени полковника Стадникова в сороковых годах, столь явственно рисуются жестокие нравы того времени, жертвою коих падали в числе прочих и евреи, что трудно, вынести впечатление, будто рассказ продиктован ненавистью к евреям. Равным образом и «Ракушанский меламед» (рассказ майора Плескунова в бивуаке) не ожесточает читателя против евреев; в сущности, это добродушное повествование, приправленное утрировкой. Вообще надо отметить, что на ряду с евреями в указанных произведениях Лескова грубому

осмеянию подвергаются и не-евреи. Тут нет предвзятого сопоставления евреев и русских, которое было бы в ущерб первым и к выгоде вторых. Наоборот, случается, что при отрицательной характеристике не-евреев, ярче выступает роль евреев, как жертв окружающего произвола.

При таких условиях нет ничего неожиданного в том, что Лесков, когда настал острый момент, не отказался выступить со своим публицистическим произведением: «Евреи в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу».

Это произошло в 1884 году. К этому времени Лесков глубоко заинтересовался вопросами религиозно-нравственного характера и, готовый забыть свое обыкновение писать обо всем в язвительном тоне, готовый побороть в себе потребность видеть дурное даже в хорошем, Лесков был уже в силе написать то «Сказание о Федоре-христианине и о его друге Абраме-жидовине», о котором мы после скажем.

История печатаемого здесь сочинения Лескова такова. Антиеврейское движение, разразившееся на юге России 1881—82 гг. в виде массовых погромов, дало повод правительству заняться «еврейским вопросом». Погромы были признаны законным ответом толпы на эксплоатацию, которой будто бы подвергали евреи окружающее население, и в соответствии с этим было предположено установить такое ограничительное законодательство о евреях, которое парализовало бы экономическую деятельность значительной части еврейского населения, которое резко отгородило бы евреев, как «инородцев», от прочего населения. Из широко задуманного репрессивного законодательства удалось осуществить лишь одну часть, в виде изданных в 1882 году «Временных правил», при чем дальнейшее разрешение еврейского вопроса было возложено на особую комиссию под председательством графа Палена. Здесь вскоре обнаружилось разногласие: одни члены комиссии склонялись к мысли о необходимости разрешить еврейский вопрос в духе человеколюбия и истинной государственной пользы; другие же знали лишь одно средство «борьбы с евреями» — репрессивные законодательные меры. Это обстоятельство побудило некоторых общественных деятелей снабдить членов комиссии материалом по различным вопросам еврейской жизни, в каковой работе приняли участие еврейские и русские писатели; к числу последних принадлежал и Лесков. Пять лиц должны были охватить совокупным трудом затронутый вопрос. В частности, Лесков, приняв на себя задачу дать очерк о «бытие и нрава евреев», написал брошюру «Евреи в России: несколько замеча-

ний по еврейскому вопросу», каковая была воспроизведена анонимно в количестве 50 экземпляров для раздачи членам Паленской комиссии и некоторым влиятельным администраторам (анонимно были составлены и труды других авторов). Один из экземпляров был доставлен без указания имени автора в редакцию журнала «Недельной хроники Восхода», где и появилось краткое изложение ее. Оно, конечно, не дает достаточно ясного представления об ее содержании, а между тем напечатанные экземпляры разошлись по рукам и утратились. Произведение Лескова благодаря этому осталось почти никому неизвестным.

Но вот в 1916 году, совершенно случайно, я приобрел две рукописи под названием: «Дополнительная записка о евреях», которые и оказались утраченным произведением Лескова. Цитаты, приведенные в «Восходе», и сличение почерка, которым сделана авторская поправка, твердо убеждают в том, что «Дополнительная записка о евреях» принадлежит перу Лескова.

Одна из рукописей, состоящая из двух частей, представляет собою первоначальную редакцию (эта рукопись передана мною в рукописное отделение Публичной библиотеки, где и хранится в отделе автографов); другая рукопись — беловая — состоит из трех частей; по этой именно рукописи печатается настоящая брошюра. В первоначальной редакции имеется предисловие, которого нет в более обширной рукописи; быть может, эта страница случайно не сохранилась в рукописи; а так как это «предисловие» характерно для тех условий, при которых Лесков решился выступить в защиту евреев, то оно здесь воспроизводится полностью:

«Предлагаемая вниманию читателя записка о евреях написана не евреем. Автор ее христианин: он человек ни в каком отношении ни одному из евреев ни в чем не обязанный и ни в чем ни от одного из них не зависимый.

Эти соображения не заключают прямого отношения к делу, о котором идет речь, но они могут иметь свою цену в виду стремления некоторых приписывать всякое невраждебное евреям мнение силе их воздействия на небескорыстные натуры. Автор поставлен так, что может считать себя не подлежащим подозрению и в этом смысле.

Записка эта — по счету вторая*. Первая, более обширная, известна: она заключала в себе материал для разъяснения частных случаев

* Речь идет, вероятно, о записке, представленной другим лицом, принимавшим участие в снабжении Паленской комиссии материалами по еврейскому вопросу. Этим объясняется, почему Лесков назвал свою записку «дополнительной».

в еврейском вопросе; эта представляет общую картину жизни русских евреев в ином положении. В таком изложении дело представляется нагляднее и легче усваивается».

Из настоящей брошюры читатель усмотрит, что Лесков широко взглянул на тему о быте и нравах евреев: он ее разрабатывал с общественно-государственной, с социально-экономической точки зрения, и это позволило ему дать ответ на вопрос, в каком направлении должны быть разрешены споры о правовом положении европейского населения. Лесков пришел к твердому убеждению о необходимости упразднить правовые ограничения. Надо помнить, что это было сказано им в 1884 году, т.е. в самую пору реакции в правительственных сферах.

Спустя два года Лесков написал (1886 г.) произведение, которое должно, с одной стороны, отвергнуть мысль, будто выступление Лескова в защиту евреев является случайным эпизодом, не гармонирующим с его общим духовным настроением, с его отношением к евреям; с другой стороны, это произведение может в некоторой мере примирить читателя с тем Лесковым, который и при описании трагических моментов не отказывается от издевательства, который не щадил даже тех персонажей, которые по желанию самого автора были проникнуты благородными стремлениями: «Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» — это гимн братству людей, которое не должно рушиться из-за разномыслия.

Фабула рассказа отнесена к IV веку (в Константинополе). Федор-христианин и Абрам-жидовин, жившие по-соседству, были связаны тесной дружбой. Они учились у греческого философа, который поучал, что «произволением Творца людям не одинаково явлено, во что верить, и у нас между всех есть много разных вер, и не в этом зло, а зло в том, что каждый из людей почитает одну свою веру за самую лучшую и за самую истинную, а другие без хорошего рассуждения порочит». Но такое отношение к вопросу о вере было признано вредным, и правительство предписало, чтобы дети учились по вероисповедным школам; а в этих школах каждый учитель, говоря, что одна только данная религия истинная вера, требовал, чтобы дети с последователями другой веры не играли, так как этих иноверцев Бог меньше любит. После этого дружбе Федора и Абрама был положен конец. Но однажды на Абрама напали христиане; Федор заступился за жидовина, и за это его самого избили. Федор и Абрам были в то время уже взрослыми, и после описанного случая они сблизились и стали жить, как в пору детства. Прошло несколько лет; Федора постигли несчастья, и он разорился; тут Абрам стал оказы-

вать ему помощь, и благодаря такой поддержке Федор восстановил свое состояние; тогда друзья построили дом для детей всяких исповеданий и назвали его «селением ближних». «Повесть эта, — так заканчивается сказание, — не есть баснословие, измышленное досугом. Это и есть истинная история. Ныне она от старых записей взята и в новом изложении подается для возможного удовольствия друзей мира и человеколюбия, оскорбляемых нестерпимым дыханием братоненавидения и злопомнения».

В этих словах вырисовывается Лесков в последний период своей деятельности.

Ю.Гессен.

«Аз не отвергу рода
Израилева от всех
глаголет Господь»
Иеремия 31, 35.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Люди высокого ума находили, что вопрос о еврее стоит в прямом соотношении с идеею о библейском Боге. Евреи, «племя Авраамово,» — «избранный народ Божий», любимый сын Еговы, получивший самые счастливые обетования и имеющий самую удивительную историю. Это, впрочем, не только говорили люди, но, — употребляя славянское выражение, — «так глаголет Господь».

Ни от кого не зависимый в своем фернейском уединении, свободомысленный энциклопедист Вольтер, на предложение вычеркнуть из человеческого словаря имя «личного Бога», отвечал, что он «не может решиться это сделать, доколе есть на свете еврей». Решимость Вольтера на этот счет мешало не католическое учение и даже не Библия, которая была ему знакома так же, как Болингброку, а ему, по его собственным словам, мешала одна «небольшая, загадочная фигурка», которая была еврей. Вольтер глубоко презирал и зло преследовал еврея своими остроумнейшими насмешками, но когда дело доходило до судьбы еврейского народа, — фернейский вольнодумец никогда не считал ее за что-то столь малое и ничтожное, с чем можно покончить солдатским или секретарским приемом. Вольтер видел на еврее перст Того, кого человечество называет Богом.

Из духовных книг евреев, которые чтит и христианство, мы знаем, что по библейскому представлению судьбою евреев занимался сам Егова. Евреи Его огорчали, изменяли Ему, «прелагалися богам чуждым — Астрате и Молоху», и Егова наказывал за это то домашними несчастиями, то пленом и рассеянием, но, однако, Он никогда не отнял от них надежды Отчего прощения.

Евреи живут ожиданием исполнения этого обетования; и такое ожидание написано на и лицах в знаменитой картине Поль-де-ля-Роша «Евреи у стен Иерусалима». Тонкие следы того же ожидания

можно читать на каждом выразительном еврейском лице, если только горькие заботы жизни и тяжкое унижение не стерли на нем след высшей мысли. Разумеется, для этого чтения нужна высшая способность, но ею и обладал Вольтер, не решившийся отрицать Бога из-за еврея. Это свидетельство важно и дорого как доказательство «от противного», способное напомнить, что большой и просвещенный ум при самом неблагосклонном настроении к евреям не мог считать их ничтожными людьми, о которых достаточно иметь одни канцелярски-полицейские соображения. Евреи доказали, что знак перста Божия, который видел Вольтер, положен на них не даром: они на исходе XVIII века умели защитить библейское учение о едином Боге от самого же Вольтера и защитили его так же успешно, как отцы их защищали от иных нападчиков в древности.

Вполне враждебное, но серьезное отношение Вольтера к еврейству дало, как известно, еврейским раввинам повод написать в ответ на его антибиблейскую критику образцовые по тону и по глубине религиозного содержания «Еврейские письма», которые защитниками библизма переведены на все языки, не исключая и русского.

На русском языке они, впрочем, должны были явиться по преимуществу потому, что эти знаменитые «Еврейские письма» к фернейскому философу написаны в России евреями русского подданства. Они же по справедливости составляют единственное русское литературное произведение, в котором есть настоящий деловой отпор вольтерианизму.

Участие иностранных евреев в этой ученой отповеди было самое слабое, и все главное здесь принадлежит евреям русским, оставшимся и после этого, прославленного в свое время, труда на своей родине не более как теми же «презренными жидами», которым считает себя в праве оказать пренебрежение всякий безграмотный мужик, полуграмотный дьячок и самый легкомысленный газетный скорописец.

II

Когда произошло это случайное событие, оно заставило религиозных и справедливых людей вспомнить о еврействе, среди коего, при его угнетенном положении, сохранилось столько умного богопочитания и такая сила знаний, что только одни евреи могли дать Вольтеру отпор, который он серьезно почувствовал и с которым с одним не справилось его блестящее остроумие. Император Александр I считал эти «Еврейские письма» лучшим апологетическим сочинением за Библию.

С той поры в Европе пробежала струя, оживившая внимание к евреям, и в судьбе их разновременно произошли многие благоприятные перемены, — не совсем одинаковые, впрочем, у нас и на западе. На западе, в странах католических и протестантских, философствующая мысль более одолела средневековые предрассудки и добыла евреям принадлежащее им человеческое право быть во всех отношениях тем, чем может быть всякий иной гражданин данного государства. В России это шло иначе. Здесь, где под усиленным присмотром обитали те еврейские ученые, которые умели заставить образованный мир прочесть их письма Вольтеру, с евреями произошли перемены, но гораздо менее для них благоприятные.

Философская мысль в России работает слабо, робко и несамостоятельно. Здесь если и занимались судьбою евреев, то почти не заботились об улучшении их участи, а только выискивали средства от них оберегаться. Это чувствуется во всем духе русского законодательства о евреях, и это же повело к тому, что положение евреев в России почти не улучшалось. Так, они до сих пор остаются неполноправными и неравноправными не только по сравнению с людьми русского происхождения или с инославными христианами, но даже и по сравнению их с магометанами и даже язычниками.

Неравноправие евреев считается если не справедливым, то необходимо нужным потому, что евреи представляются людьми опасными.

Прежде думали, что евреи могут вредить христианской вере, оспаривая ее догмы или порицая ее мораль. Это, собственно, — самое старое мнение, получившее значение в Москве, где усиленно боялись ереси «жидовствующих», а самих евреев знали очень мало. Религиозное опасение вреда от евреев утратило свою остроту при Петре Великом, который не любил призрачных страхов и имел в числе своих сподвижников государственного человека еврейского происхождения, — барона Шафирова.

Несмотря на сильную подозрительность наших предков к опасности от евреев вере православной, евреи сравнительно скоро и без усилий успели опровергнуть это подозрение. Они доказали, что вере христианской вредить не намерены.

Нет никакого спора, что евреям, как и всем сильно верующим людям, в общей со всеми мере свойствен прозелетизм, и между благочестивыми и начитанными евреями, каковых не мало в России, можно встречать любителей и мастеров вести религиозные рассуждения. Несомненно и то, что в своем богомыслии евреи, конечно, не стоят на чуждых их вере основаниях; но тем не менее случаи, где

евреи являлись совратителями, — совершенно ничтожны. Римские католики в среде русской знати, лютеране в южно-русском простонародьи и даже магометане в восточной полосе империи имели, в этом отношении без сравнения большие успехи. Есть, правда, одна секта «субботников», или иудействующих христиан, насаждение которой приписывается еврею Схарию, но дух этой секты, почитающей за необходимое «исполнить прежде закон ветхий, а потом Христов», указывает, что происхождение такого учения сродно известным местам Евангелия, а не Ветхого Завета и не Талмуда. Это должно быть ясно для всякого, ибо евреи Евангелия за руководство не принимают и не интересуются тем, как удобнее и совершеннее принимать крещение. Следовательно, если и был действительно такой еврей, который завел и распространил в России христианскую секту субботников, то это был, конечно, еврей, который сам уже изменил еврейству и перешел от Моисея ко Христу, соблюдая при этом свои особенные правила, до которых евреям нет никакого дела. Очевидно, это был человек, отпадший от ортодоксального еврейства и не сделавшийся ортодоксальным христианином. Это только его личная ошибка и несчастие его последователей. Во всяком случае, еврейство упомянутого Схарию своим не признает и перед христианством за него безответственно.

Светлый, но мимолетный век авероизма, когда христианин, мавр и еврей свободно сходились в Кордове и могли неосужденно рассуждать об эмансипациях, пролетел, как метеор, и скрылся. Он не оставил никаких других последствий, кроме воспоминаний о возможности заниматься высшими вопросами духа без враждебного всякой истине раздражения. Но если бы вся свобода, какою жили тогда разноверные философские друзья и совопросники Ибн-Рашида, была уделом дней наших, то и в том случае это было бы не «совращение», а рассуждение. Однако времена так переменились и столь изменили нравы и интересы, что и этого опасаться напрасно. «Мудрецы и совопросники века сего» ныне заняты совсем не тем, о чем рассуждали во дни Авероэса: самая философия в ее господствующем направлении пришла к «теории бессознательного» и убеждает людей не алкать даже самого знания, ибо оно «усугубляет страдание». Что же касается религиозной пропаганды, то она потеряла свою средневековую страстность, и если еще держится, то разве в той мере, чтобы «не растерять своих».

Современный русский церковный писатель, епископ Хрисанф, в своем сочинении «Истории религий», для составления которого он пользовался лучшими материалами по данному предмету, отметил в

высшей степени замечательный факт, что четыре великие религии: христианство, еврейство, магометанство и буддизм не обнаруживают почти никаких чувствительных завоеваний одна на счет другой. Приобретения их со стороны почти всегда исключительно происходят на счет исповедников религий менее совершенных, преимущественно язычников (фетишистов). Но и в этом случае подобные приобретения всего более делает христианство, имеющее официальных миссионеров, а всего менее еврейство, которое не может обеспечить никаких выгод своим прозелитам. Впрочем, можно думать и так, что библейский Егова слишком требователен и суров для ума человека, взросшего в верованиях о спасающей силе сторонней заслуги. Бог, воплотившийся с тем, чтобы умереть за людей, — более близок сердцам «труждающихся и обремененных». В религиозном отношении все внимание евреев устремлено на то, чтобы уберечь своих в культе Еговы, но не вести опасной и безвыгодной для их племени ветхозаветной пропаганды между людьми иноплеменными.

Опасаться евреев как разрушителей христианской веры есть самая очевидная и самая несомненная неосновательность. И правительство русское, по-видимому, свободно уже от этого страха. По крайней мере, следы законоположений, предусматривавших этого рода опасность, видим только по отношению к слугам из христиан, которых запрещается иметь евреям, равно как и денщиков христианского исповедания не дозволено давать военным врачам еврейского происхождения. На этом стоит на минуту остановиться.

III

Быть в прислугах у еврея не стоило запрещать христианам, потому что это и без того ни для кого из них не находка. Всякий крестьянин и крестьянка всегда охотно избегают службы у жида, если только избежать этого есть какая-нибудь возможность. Прислушаемся к малороссийской народной и очень любимой песне «Взлитыв орел по пид небо». Чтобы представить томящемуся на чужбине казаку самую плачевную весть, песня представляет, что «сестра его риднисенька у жидови служит». Это высший ужас положения, и ужас этот не напрасен: жид не только умерен в своей жизни, но он часто просто скареден. Жид морит себя и всех в доме самою невозможною пищею; жид-хозяин рано встает, поздно ложится, он весь день тормошится и не дает посидеть сложа руки прислуге. О нем сказано,

что если он «надо всем трясется», и это правда, и только этими скаредными способами он и делает кое-какие сбережения. Что же за охота кому-нибудь жить и служить у такого хозяина?

В самом деле: «кто у жидови служит»?

По преимуществу в мелких городах и местечках это «покрытки», т.е. девушки, имевшие несчастие сделаться жертвою какого-нибудь неверного сельского обольстителя.

Идет дело обыкновенно так: у девушки рождается ребенок, в котором никто не хочет принимать никакого участия. Родная христианская среда оказывает несчастной только один вид внимания: девушке «покрывают голову». Коса, как знак девства, убрана под повязку; после этого несчастная, по пословице, становится уже «ни девушка, ни вдова, ни замужняя жена», — она «покрытка». Среди своих крещеных односельчан покрытка встречает большее или меньшее пренебрежение; нередко ей остается в удел одно: выселиться в убогую хатку «на задах» и начать открыто промышлять своим позором. Во многих случаях так и бывает, но в других случаях, где есть недалеко жид, иногда устраивается и иначе. Жид не горделив и не переборчив, он смотрит на все с точки пользы и выгоды и «не любит упускать то, что плывет ему в руки». У «покрытки», которую нестерпимо унижают свои, есть сердце; дитя, ею рожденное, ей мило и жалко, она не всегда решается его «известь», а часто хочет его воспитать. Ей было бы где работать, чтобы за ту работу ей дали приют с ребенком и кое-какую пищу, а притом не обижали ее попреками за прошлое. Жид тут и есть к ее услугам: он берет покрытку в дом с тем, чтобы она ему служила. Правда, он берет ее очень дешево или часто вовсе задаром, или даже за один «покорм», — и он ее тоже немилосердно томит работою и худо кормит. Это уже у него такой домашний порядок, но все-таки он позволяет ей сажать ее приблудного ребенка в одном «кутке» с его собственными детьми и никогда не попрекнет ее ее проступком.

Да, никогда!

Почему жид так снисходителен — это другой вопрос, но только известно, что «жид срамом не упрекает».А это избавляет проступившуюся девушку от нестерпимых нравственных мук, которых она никак не надеется избежать в своей, христианской среде.

Вот что ведет христианскую девушку в услуги к еврею, и запрещать это напрасно, потому что есть такие условия в простонародной христианской жизни, при которых даже служба у еврея является спасением от погибели. Условия эти создает не еврей, но евреи ими только пользуются, и надо сознаться, что это не самое худшее из того, что могло ожидать женщину.

Под Москвою, где народ несравненно бойче и находчивее, а также и менее разборчив на средства, подобные случаи с девушками, как известно из литературы и из живых наблюдений, находят другой исход: проступившиеся подмосковные девушки в изобильном числе приходят по зимам в город и предлагают в банях свои услуги мужчинам в качестве «мыльщиц», но малороссийская девушка к таким смелым услугам не способна, да и самое это занятие не в обычаях ее родины.

Жить таким ремеслом для малороссиянки наверно показалось бы далеко хуже, чем служить у еврея. Но в чем же, собственно, вред такой службы? Отговаривает ли еврей свою христианскую служанку отречься от Христа и принять закон Моисея?

Этого не бывает, да и не может быть. А если случалось, что наймычка-христианка сживалась с хозяевами-жидами и даже начинала не любить своих, христиан (на что бывали примеры), то это, конечно, создавало то горе, какое она приняла от жестокости своих единоверцев и от которого спаслась у жида. Со стороны расчетливого еврея ему нет выгоды, чтобы его наймычка принимала еврейскую веру. Мало того, что ему за это может достаться, как за «совращение», но это и совершенно противно его хозяйственным соображениям и интересам. Если бы его наймычка или наймит приняли закон Моисея, то они, как дети избрания, тоже стали бы подчиняться таким самым обрядовым правилам, как их хозяин и его семейство. А тогда кто же стал бы обирать гроши с христиан, заходящих «погулять» в его корчму в еврейские праздники, когда жид молится Богу в своем пестром талосе; кто гасил бы недогарки его моканых, сальных свеч в тот священный час, когда сам жид, вкусив шабашкового перца с рыбою, ляжет по патриархальному обычаю на одну перину со своею женою?

С «совращением» слуг исчезли бы все эти большие удобства, ради которых еврей только и дорожит присутствием в его доме слуги другой веры.

Такого рода вполне несостоятельные опасения религиозного характера получили начало в России во времена «тишайшего» Алексея Михайловича, который сам был вечно погружен в церковные заботы и склонен был думать, что и все другие более всего озабочены тем же. Тогда это было и очень понятно, ибо евреи встречались тогда в России за редкость; но после присоединения Малороссии и Польши знакомство с ними в России сильно увеличилось, и теперь держаться старых суеверий совершенно напрасно. Теперь, если уместно было бы о чем позаботиться насчет христиан,

ищущих места в еврейском доме, то это может быть, надо бы склонить как-нибудь православное духовенство, чтобы оно внушало сельским христианам, что преследовать девушку за грех ее юности есть дело нехристианское и что «покрытие головы» у женщины, по изъяснению апостола Павла, есть знак ее «покорности», а отнюдь не знак позора, как думают невежды.

Что же касается до денщиков-христиан у врачей из евреев, то и тут опасность совращения составляет страх самый неосновательный. Во-первых, еврей-врач очень редко или, вернее сказать, почти никогда не бывает страстным религиантом. Еврей-врач не соблюдает ни субботы, ни иных обрядов еврейского закона, и он скорее может подать своему денщику разве пример религиозного индифферентизма, чем склонить его перейти к Моисееву закону и Талмуду. Но то же самое довольно успешно может произвести и любой офицер из христиан.

Во-вторых, если опасаться, что еврей-врач может увлечь в еврейскую веру денщика, обязанного исполнять при нем домашние услуги, в числе коих есть обязанности, представляющиеся унизительными и нерасполагающими сердце служащего к господину, то, кажется, гораздо более можно бы опасаться воздействия врача в этом роде на пациента, который чувствует естественное расположение к доктору, облегчившему его страдания, и, стало быть, гораздо более склонен внимать его внушениям. И в самом деле, известно, что никто не бывает столь сильно наклонен к религиозному восприятию, как выздоравливающие (реконвалесценты), но, однако, этого не боятся, и хорошо делают, ибо нет примеров, чтобы еврей-врач воспользовался этим настроением пациента-христианина и обратил его в еврейскую веру.

Словом, на опасения этого рода, завещанные еще от времен неосновательной религиозной страшливости царя Алексея Михайловича, нельзя смотреть глазами тех времен, ибо все это не имеет уже более ровно никакого основания.

IV

Другие законоположения о евреях имеют целью защитить или оградить христианское население от так называемой экономической «эксплоатации» евреев.

Собственно говоря, слово «эксплоатация» здесь употребляется только как более деликатная форма, долженствующая покрывать понятие более резкое. Закон просто хочет обречь крещеных про-

столюдинов от обмана, к которому еврейство представляется охочим и весьма способным. Но в этом направлении во взглядах законодательной власти замечаются опять очень сильная непоследовательность и противоречие.

Во-первых, в той черте, где дозволено обитать евреям в России, живут точно такие же христиане, как и во всех других местностях, где евреям дозволяется только временное пребывание и то по исключительным правилам. Даже более того, — вся местность, называемая некоторыми «Киевскою Русью» в отличие от коренной «Руси Московской», есть прекрасный край, где нравственность жителей стоит значительно выше московской. Малоросс боится всякого обмана, он боится и «жида», и москаля, хотя жида он боится несколько менее, а москаля несколько более. Москаля хохол иначе представляет себе и не представляет, как обманщика, как предприимчивого, пронырливого и ловкого человека, с которым человек тихого малороссийского характера никак не может справиться. Когда москаль хвалится (в «Катерине» Шевченко), он говорит: «Кого наши не надуют». Вместо слова «солгать» малороссы говорят: «не кажите по-московськи»; хвастать тоже называется «москаля свезть». Такие обороты народного сложения показывают, что малорос в самом деле весьма боится способнейшего к обману великоросса и не чувствует симпатий к его разухабистой натуре. Но тогда, если этот малоросс, — такой же, как все русские, христианин и добрый верноподданный, — столь сильно чувствует свою несостоятельность даже перед обманом великоросса, то какое же есть основание, чтобы его, человека скромного и честного, предать в исключительную жертву ненасытных евреев, которых будто боятся даже сами далеко не вялые великороссы? По разуму и по совести мы отказываемся найти этому какое-нибудь объяснение.

За что же тяжкое иго жидовства несет народ скромнейший и слабейший, а не сильнейший, который сам объявляет, что он жида боится? Мы это видим в заявлении московских купцов, которое нашло себе место в «Московских Ведомостях» М.Н.Каткова, в ручательствах самого г. Каткова и в метком указании, что евреи никак не могут расторговаться во Владимире и в Ярославле, где бойкое местное население их просто «забивает». В Ярославле и во Владимире евреи, если и встречаются, то далеко не в благоденственном состоянии, а по евангельскому выражению питаются «крупицами, падающими от стола господина». Это, конечно, очень хорошее доказательство, что деятельному и промышленному великорусскому населению еврей, как конкурент, нимало не опасен.

Следовательно, евреи, являются или, по крайней мере, могут быть трактуемы опасными эксплоататорами только среди христианских простолюдинов менее промышленных и деятельных, каковы белоруссы и малороссы, а тогда нельзя видеть ни последовательности, ни справедливости в том, что здесь-то именно евреев только и удерживают. Это значит ослаблять слабого еще более, вместо того, чем бы растворить крепость еврейского союза разлитием его в массе сильнейшего населения — великорусского.

В какой мере это непрактично, в той же и несправедливо, ибо единая держава российская, конечно, не желает и не должна рознить свой взгляд на великороссов и малороссов или белоруссов так, как будто одни ей родные дети, а другие подкидыши или пасынки. Русь Владимира, как и Русь Андрея Боголюбского, вся ныне составляет единую страну, равно близкую державным заботам русской короны. Белоруссия и Малороссия вовсе не «края изгнания» для людей, нетерпимых русским общежитием, и если они трактуются таковыми по отношению к евреям, то это неправильно и для тех мест обидно.

Если же признавать евреев нетерпимыми среди промышленных и энергических людей великорусского племени, то тогда логичнее и безобиднее для малороссов было бы принять мнения тех, кто предлагал выселить всех разрозненных погромами евреев в Сибирь или выслать их за границу, как то предлагал военный прокурор в Киеве. Тогда, по крайней мере, были бы обижены попранием справедливости одни евреи, но не малороссы и белоруссы, совершенно напрасно несущие ныне штрафное положение. По нашему мнению это составляет nonsens.

V

Но действительно ли евреи такие страшные и опасные обманщики или «эксплоататоры», какими их представляют? О евреях все в один голос говорят, что это «племя умное и способное», притом еврей по преимуществу реалист, он быстро схватывает во всяком вопросе самое существенное и любит деньги, как средство, которым надеется купить и наичаще покупает все, что нужно для его безопасности.

Ум малоросса приятный, но мечтательный, склонен более к поэтическому созерцанию и покою, а характер этого народа мало подвижен, медлителен и не предприимчив. В лучшем смысле он выражается тонким, критическим юмором и степенною чинностью.

В живом, торговом деле малоросс не может представить никакого сильного отпора энергической натуре еврея, а в ремеслах малоросс вовсе не искусен. О белоруссе, как и о литвине, нечего и говорить. Следовательно, нет ничего естественнее, что среди таких людей еврей легко добивается высшего заработка и достигает высшего благосостояния.

Чтобы привести эти положения в большее равновесие, мы видим только одно действительное средство — разредить нынешнюю скученность еврейского населения в ограниченной черте его нынешней постоянной оседлости и бросить часть евреев к великороссам, которые евреев не боятся.

Но предлежит также вопрос: есть ли в действительности такой вред от еврейского обманщичества даже при нынешней подневольной скученности евреев в сравнительно тесной черте? Это считается за несомненное, но, однако, есть формула, что на свете все сомнительно. Как судить о еврейском обманщичестве: по экономической статистике, или по впечатлениям на людей более одаренных живым даром наблюдения, или, наконец, по сознанию самого простонародья?

Попробуем проследить это. Экономическая статистика сама по себе суха и мертва: по ней трудно сделать живой и осмысленный вывод, общесторонне и верно выражающий действительность. Может случиться, что статистика покажет меньший процент нищенства в местности более производительной, но менее трудолюбивой и нравственной, и наоборот. Чтобы руководиться статистическими цифрами, надо обладать хорошим и притом очень многосторонним знанием всех условий быта страны. Иначе, например, если судить по количеству нищих, то наибольшее число их, как известно, падает на долю Москвы, Тулы, Орла и Курска и их губерний, находящихся совсем не в неблагоприятных условиях и притом закрытых для еврейской конкуренции. Кто намножил здесь нищих, приседящих всем святыням московским?

Конечно, не евреи.

В черте же еврейской оседлости нищенство христиан без всякого сравнения менее нищенства московского, где население образцово-живое, или орловского и курского, где общая слава помещает «житницу России». Самые реестровые нищие — промышленники Киево-Печерской лавры — по преимуществу великорусского происхождения, удалившиеся сюда по расчетам своего нищенского промысла.

Составитель этой записки имел не мало поводов убедиться в том, сколь небезопасно полагаться на выводы статистики, особенно статистики, составленной теми способами, какими ведется это дел в России. Но и статистика дает показания не в пользу тех, кто думает, что где живет и действует еврей, там местное христианское простонародье беднее. Напротив, результат получается совершенно противоположный. То же самое подтверждают и живые наблюдения, которые доступны каждому проехавшему хоть раз по России. Стоит только вспомнить деревни малороссийские и великорусские, черную, курную избу орловского или курского мужика и малороссийские хутора. Там опаленная застреха и голый серый взлобок вокруг черной полураскрытой избы, — здесь цветущая сирень и вишня около белой хаты под густым покровом соломы, чисто уложенной в щетку. Крестьяне малорусские лучше одеты и лучше едят, чем великороссы. Лаптей в Малороссии не знают, а носят кожаные чоботы; плуг возят здесь двумя, тремя парами волов, а не одною клячонкою, едва таскающею свои собственные ноги. И при этом, однако, еще малороссийский крестьянин гораздо ленивее великорусского и более его сибарит: он любит спать в просе, ему необходим клуб в корчме, он «не уважает» одну горелку, а «потягае сливняк и запеканку, яку и пан пье», его девушка целую зиму изображает собою своего рода прядущую Омфалу, а он вздыхает у ее ног. Она прядет с комфортом не у скаредного дымящего светца, в который воткнута лучина, а у вымоканной жидом свечки, которую приносит девушке вежливый парубок и сам тут же сидит вечер у ног своей Омфалы. Это уже люди, которым доступны и нужны душевные нежности.

По совести говоря, не надо быть особенно зорким и особенно сильным в обобщениях и сравнениях, чтобы не видеть, что малороссийский крестьянин среднего достатка живет лучше, достаточнее и приятнее соответственного положения крестьянина в большинстве мест великой России.

Если сравним наихудшие места Белоруссии, Литвы и Жмуди с тощими пажитями неурожайных мест России или с ее полесьями, то снова и тут получим такой же самый вывод, что в России не лучше. А где действительность показала нам нечто лучшее, то это как раз там, где живет жид. Вреден он или не вреден, но он не помешал этому лучшему, даже несмотря на сравнительную меньшую заботу малороссийского народа о своем благосостоянии.

И так «лучше» живет не один крестьянин, а и другие обыватели. Известно, что здесь лучше живет и городской и местечковый мещанин, а малороссийское духовенство своим благосостоянием далеко

превосходит великорусское. Малороссийский сельский священник никогда собственноручно не пашет, не сеет и не молотит и не унижается за грош перед суеверным простолюдином. Он не дозволяет катать себя по полю, чтобы репа кругла была, и не дает чесать своих волос, чтобы лен зародил длинный. Малороссийский батюшка ездит не иначе как в бричке с кучером, да иногда еще на четверке.

Человек, имевши случаи наблюдать то, что нами здесь излагается, вероятно, не увидит в нашем описании никакой натяжки и согласится, что все лица, о которых мы упомянули, в Малороссии живут лучше, чем в великой России.

Кроме этих наблюдений, заслуживает внимания и простонародное суждение о вреде, какой приносит своими обманами жид своему христианскому соседу. Суждение это выражено простолюдинами в пословицах и поговорках, которые мы теперь имеем в пользующихся почтением науки «сборниках» Снегирева и Даля.

Народ обстоятельно изучил и категорически расположил, кто в какой мере восхождения именит в его глазах по совершенству в искусстве обманства. Пословица говорит: «мужик сер, но ум у него не черт съел», а другая: «мужика обманет цыган, цыгана обманет жид; жида обманет армянин; армянина обманет грек, а грека обманет один только черт; да и то, если ему Бог попустит».

Жид по этому выводу наблюдательного народного ума только обманчивее цыгана, а выше его стоят два несравненно более искусные артиста, — если не считать третьего, т.е. «черта», так как этот проживает, где хочет, без прописки.

Чтобы заставить народ думать иначе, как он положил в своей пословице, надо его переуверить, что жид обманнее армянина и грека, а это невозможно.

К тому же в июне 1883 года газета «Русь» опубликовала такие сведения, что смешно и говорить о еврейской эксплоатации. Оказывается, что сами малороссы теперь уже боятся не евреев, а немцев, из коих «каждый тяжелее десяти евреев».

Если же еврей, как мы думаем, не может быть уличен в том, что он обессилил и обобрал дозволенный для его обитания край до той нищеты, которой не знают провинции, закрытые для еврея, то, стало быть, огульное обвинение всего еврейства в самом высшем обманщичестве может представляться сомнительным. А тогда факт «эксплоатации» может быть принимаем за непререкаемый только теми, кто не боится ошибок и несправедливости против своего ближнего. Принадлежать к этому разряду людей надо иметь большую отвагу и очень сговорчивую совесть.

Но если еврей совершенно безопасен в отношении религиозном (как совратитель) и, быть может, не более других опасен в отношении экономическом (как эксплоататор), то нет ли достаточных причин оберегать от него великорусское население в отношении нравственном? Не опасен ли он великороссам как растлитель добрых нравов, на коих зиждется самое высшее благосостояние страны?

Заботливое правительство, конечно, должно и об этом подумать. Оно поистине не превысит свои обязанностей, если попечется еще о том, что лучший русский драматург А.Н.Островский назвал «жестокими нравами нашего города». Правительство приобретет себе даже за это общую благодарность.

Посмотрим, какой вред для нравов сделал еврей в тех местах, где он живет, тогда видно станет, чем он способен угрожать в другом месте, куда просится.

VI

Нравы в Малороссии и в Белоруссии везде сравнительно много выше великорусских. Это общепризнанный факт, не опровергаемый никем и ничем, ни шаткими и сбивчивыми цифрами уголовной статистики, ни высоким и откровенным словом народной поэзии. Малороссийская звучная песня, как дар лесных дриад, чиста от выражения самых крайних помыслов полового схождения. Мало того, малороссийская песня гнушается бесстыжего срамословия, которым неизбежно преизобилует народное песнетворчество в России. Малороссийская песня не видит достойного для себя предмета во всем, что не живет в области сердца, а привитает, так сказать, у одной «тесовой кроватки», куда сразу манит и здесь вершит любовь песня великорусская. Поэзия, выражающая и культ народа в Малороссии, без сомнения, выше, и это отражается во все стороны в верхних и нижних слоях общества. Лермонтов, характеризуя образованную малороссиянку, говорит: «От дерзкого взора в ней страсти не вспыхнут пожаром, полюбит не скоро, зато не разлюбит уж даром». И, исходя отсюда разом к нижайшей степени женского падения, отмечает другой факт: нет примера, чтобы малороссийская женщина держала притон разврата. Профессия эта во всей черте еврейской оседлости принадлежит или немкам, или полькам, или же еврейкам, но в сем последнем случае преимущественно крещеным.

Стало быть, еврей не испортил женских нравов своих соседей иного племени. Идем далее. Говорят: «евреи распаивают народ». Обратимся к статистике, и получаем факт, который представляет дело так, что опять рождается сомнение: распаивает ли жид малороссов?

Оказывается, что в великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений, совершенных в пьяном виде, постоянно гораздо более, чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое представляют и цифры смертных случаев от опойства. Они в великороссийских губерниях чаще, чем за Днепром, Вилиею и Вислой. И так стало это не теперь, а точно так исстари было.

Возьмем те времена, когда еще не было публицистов, а были только проповедники, и не было повода нарекать жидов за растление русского народа пьянством. Развертываем дошедшие до нас творения св. Кирилла Туровского в XII веке, и что же слышим: святой муж говорит уже увещательные слова против великого на Руси пьянства; обращаемся к другому русскому святому, — опять же Кириллу (Белозерскому), и этот *со слезами* проповедует русским уняться от «превеликого пьянства», и, к сожалению, слово высокого старца не имеет успеха. Святость его не одолевает хмельного загула, и Кирилл делает краткую, но ужасную отметку:

«Люди ся пропивают, и души гибнут».

Ужасно, но жид в этом нимало не повинен. «История церкви» (митрополита Макария, проф. Голубиновского и Знаменского), равно как и «История кабаков в России» (Прыжова) представляют длинный ряд свидетельств, как неустанно духовенство старалось остановить своим словом пьянство великорусского народа, но никогда в этом не успевало. Напротив, случались еще и такие беды, что сами гасильники загорались... «*Стоглав*» встретил уже надобность постановлять, чтобы «священнический и иноческий чин в корчмы не входили, не упивались и не лаяли». Так духовенство, обязанное учить народ словом и примером, само подпадало общему обвинению в «пьянственном оскотении». Миряне жалуются на учителей, а учители на народ, — на «беззаконников от племени смердья». Об этом говорят живая речь народа, его песни, его сказки и присловья и, наконец, «Стоглав» и другие исторические материалы о лицах белого и черного духовенства, которые были извергаемы или отдаваемы под начало в монастыри. Пьяницы духовного чина прибывали в монастыри в столь большом количестве, что северные обители протестовали наконец против такого насыла и молили начальство избавить и от распойных попов и иноков, которые служат вредным примером для монахов, из числа коих им являлись последователи и с ними вместе убегали. Явление — ужасное, но, к несчастию, слишком достоверно засвидетельствованное для того, чтобы в нем возможно было сомневаться. Во все это время жидов тут не было, и как св.

Кирилл Белозерский, так и знатные иностранцы, посетившие Россию при Грозном и при Алексее Михайловиче, относили русское распойство прямо к вине народного невежества, — к недостатку чистых вкусов и к плохому усвоению христианства, воспринятому только в одной внешности. Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому новейшему времени, когда русские, как бы в каком-то отчаянии, стали искать возможности возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными; на них уже возложено много обвинений; почему же не возложить еще одного, нового? Это и сделали.

Почин в сочинении такого обвинения на евреев принадлежит русским кабатчикам — «целовальникам», а продолжение — тенденциозным газетчикам, которые ныне часто находятся в смешном и жалком противоречии сами с собою. Они путаются в своих усилиях сказать что-нибудь оригинальное и то представляют русское простонародье именно умным и чистым и внушают, что оно-то именно будто и в силах дать наилучший тон русской жизни, то вдруг забывают свою роль апологетов и признают это же самое учительное простонародье бессильным противостоять жидовскому приглашению пропить у него в шинке за стойкою весь свой светлый ум и последние животы.

Блажен, кто может находить в этом смысл и логику, но справедливый и беспристрастный человек здесь видит только одно суетливое мечтание и пустое разглагольствование, которое дало один видный исторический результат; разграбление евреев. Результат этот, вовсе нежеланный правительству, был, однако, приятен некоторым тенденциозным писателям, принявшим на свою часть если не поддерживать погромы, то по крайней мере извинить их с точки зрения какой-то народной Немезиды.

VII

Из многих обвинений против евреев, однако, справедливо то, что евреи в черте своей оседлости во множестве промышляют шинкарством. Чтобы отвергать это, надо иметь тупость или недобросовестность некоторых пристрастных защитников еврейства. Гораздо важнее для дела — рассмотреть причины этой «склонности евреев» к шинкарству, без которой в России как будто не достало бы своих русских кабатчиков и было бы лучше.

Прежде всего стоит уяснить: какое соотношение представляет число евреев-шинкарей к общему числу евреев ремесленников и промышленников, занимающихся иными делами. Вероятно, если посвятить этому делу много труда, то можно было бы достичь очень любопытных результатов, которые показали бы, что шинкарей много менее, чем слесарей, пекарей и сапожников. Но труд этот будет очень велик, и мы не располагаем нужными для него материалами. К счастию, и здесь, как и в других случаях, простая, беспристрастная наблюдательность дает полную возможность иметь о деле довольно ясные представления.

В любом местечке, где есть пять, шесть шинкарей, — все остальное еврейское население промышляет иными делами; и в этом смысле окольные жители из христиан находят в труде тех евреев значительные удобства *не для пьянства.* Евреи столярничают, кладут печи, штукатурят, малярят, портняжничают, сапожничают, держат мельницы, пекут булки, куют лошадей, ловят рыбу. О торговле нечего и говорить; враги еврейства утверждают, что «здесь вся торговля в их руках». И это тоже почти правда. Какое же отношение имеют все занятые такими разнообразными делами люди к кабатчикам? Наверно не иное, как то отношение, какое представляют христиане-кабатчики города Мещовска или Черни к числу прочих обывателей этих городов. Если в еврейских городках и местечках соотношение это будет даже и другое, т.е. если процент шинкарей здесь выйдет несколько более, то справедливость заставит при этом принять в расчет разность прав и подневольную скученность евреев, при которой иной и рад бы заняться чем иным, но не имеет к тому возможности, ибо в местности, ему дозволенной, есть только один постоянный запрос — на водку.

Христианин не знает этого стеснения; он живет, где хочет, и может легко избрать другое дело, но, однако, и он тоже кабачествует и в этом промысле являет ожесточенную алчность и бессердечие.

Художественная русская литература, до пригнетения ее газетною письменностью, относилась к жизни не только справедливее, но и чутче; и в ней мы встречаем типы таких кабатчиков, перед которыми бледнеет и меркнет вечно осторожный и слабосильный жидок. И это писали не только европейски известные люди из поместного дворянства, но литераторы, вышедшие сами из русского простонародья (напр., Кольцов и Никитин). Им нельзя было не знать настоящее положение дел в русских селах, городах и пригородах, и что же мы встречаем в их известных произведениях? Русский кабатчик, «как паук», путает единоверного с ним православного христианина и

опутывает его до того, что берет у него в залог свиту с плеч и сапоги с ног; топор из-за пояса и долото с рубанком; гуся в пере и барана в шкуре; сжатый сноп с воза и несжатый урожай на корню. Теперь говорят «надо уважать мужика»; но гр. Ал. К. Толстой, когда шло такое же учение, спрашивал: «уважать мужика, но какого?»

Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю.

Беда, по словам этого поэта в том, что:

Русь... испилась, искралася,
Вся изворовалася.

И опять это сделалось без всякого соучастия жида, при одной помощи русских откупщиков и целовальников.

Поэты и прозаики, изображавшие картины русского распойства, не преувеличивали дела, а, напротив, художественная литература наша не выразила многого, ибо она гнушалась простонародности до Пушкина (в поэзии), до Гоголя (в повествовании) и до Островского (в комедии). А потому вначале в литературе замечался недостаток внимания к сельскому быту, и она впала в ошибочный сентиментализм. Иначе художественная литература отметила бы сцены еще более возмутительные, как, напр., старинное пропойство жен и уступку и во временное пользование за вино и брагу, что, как явствует из дел, еще не совсем вывелось и поныне.

История в этом случае строже и справедливее. Несмотря на все русское небрежение к этой науке, она нам систематизировала страшные материалы для «Истории кабаков в России». Кто хочет знать правду для того, чтобы основательно судить, сколь сведущи некоторые нынешние газетные скорописцы, укоряющие евреев в распойстве русского народа, тот может найти в «Истории кабака» драгоценные сведения. Там собраны обстоятельные указания: кто именно главным образом был заинтересован в этом распойстве, и кто тому служил, и чем радел ему, и на каком основании.

«Страсть к питве» на Руси была словно прирожденная: пьют крепко уже при Святославе и Ольге: при ней «седоша Древляне пити». Св. князь Владимир публично сознал, что «Руси есть веселие пити», и сам справлял тризны и братчины и почестные пиры. Христианство, которое принял св. Владимир, не изменило его отношения к пиршествам. «Постави князь Владимир церковь в

Василеве и сотвори праздник велик, варя 300 провор меду». Некоторые ученые полагают, что этой склонности самого князя к «почестным пирам» Русь в значительной степени обязана тем, что она не сделалась магометанскою. При Тохтамыше «русские упивахуся до великого пьяна». Со временем эту страсть «к питве» захотели было уничтожить, — так, при Иване III народу было запрещено употреблять напитки; при его преемнике кн. Василии отгородили слободу «в наливках», где могли пить и гулять его «поплечники», т.е. сторонники и преданные слуги. Иван Грозный, взяв Казань, где был «ханский кабак», пожелал эксплоатировать русскую охоту к вину в целях государственного фиска, и в Московской Руси является «царев кабак», а «вольных винщиков» начинают преследовать и «казнить». Новою государственною операциею наряжены были править особые «кабацкие головы», а к самой торговле «во царевом кабаке» приставлены были особые продавцы «крестные целовальнички», т.е. люди клятвою и крестным целованием обязанные не только «верно и мерно продавать вино во царевом кабаке», но и «продавать его довольно», т.е. *они обязаны были выпродавать вина как можно больше.* Они имели долг и присягу об этом стараться и действительно всячески старались заставлять людей пить, как сказано, «для сбору денег на государя и на веру». Такой же смысл по существу имели контракты откупщиков с правительством в 28 великороссийских губерниях в откупное время.

В должность целовальников люди шли не всегда охотно, но часто подневольно. Должность эта была не из приятных, особенно для человека честного и мирного характера. Она представляла опасность с двух сторон: где народ был «распойлив», там он был и «буйлив», — «чинился силен», и присяжных целовальников там бивали и даже совсем убивали, а государево вино выпивали бесплатно; в тех же местностях, где народ был «трезвен и обычаем смирен» или «вина за скудостью не пьють», — там целовальнику «не с кого было донять пропойных денег в государеву казну». И когда народ к учетному сроку не распил все вино, какое было положено продать в «цареве кабаке», то крестный целовальник являлся за то в ответе. Он приносил повинную и представлял в свое оправдание, что ему досталось продавать вино «в негожем месте меж плохих питухов». Нередко целовальник рассказывал, что, «радея про государево добро, он тех плохих питухов на питье подвеселял и подъохочивал, а кои упорны явились, тех не щадя и боем неволил». Другие же чины в этом усердии крестному целовальнику помогали приучать народ к пьянству. В таких заботах, как видно из «Истории кабаков», дело не

ограничивалось одним «боем», а иногда доходило и «до смертного убийства». И вот тогда, как отмечает Сильвестр в своем Домострое, «множество холопов» стали «пьянствовать с горя», и мужики, женки, и девки, «у неволи плакав» (заплакав), начали «красти и лгати, и блясти и в корчме пити и всякое зло чинити».

Сначала народ и духовенство просили «снести царевы кабаки», потому что «подле государева кабака *жить не мочно*», но потом привыкли и перестали жаловаться.

Удивительно ли после этого, что люди, от природы склонные к пьянству, при таких порядках распились еще сильнее, а те, которым и не хотелось пить, стали прилежать к сему делу, «заневолю плакав», чтобы только избежать «смертного боя».

Евреи во всей этой печальнейшей истории деморализации в нашем отечестве не имели никакой роли, и распойство русского народа совершилось без малейшего еврейского участия, при одной нравственной неразборчивости и неумелости государственных лиц, которые не нашли в государстве лучших статей дохода, как заимствованный у татар кабак.

VIII

Кто продолжал и довершил начатое целовальниками дело народного распойства и разорения, это тоже известно. Довершали разорительное дело кабака торговый «кулак» (см. поэму Никитина) и сельский «мироед» (см. Погосского); но оба они тоже прирожденные русские деятели, а не иноплеменники. Даже более того: и кулак, и мироед везде азартнее всех других идут против евреев. Еврей им неудобен, потому что он не так прост, чтобы даться в руки мироеду, и не так ленив, чтобы дать развиться при себе кулачничеству. Как человек подвижный и смышленый, еврей знает, как найти справу на мироеда, а как труженик, предпочитающий частый оборот высоте процента, — он мешает кулаку взять все в одни его руки. Самый страшный из кулаков — «ссыпной кулак» в старинном, насиженном гнезде кулачества — в Орле недавно сознался, как ему вреден и противен еврей, и орловский кулак выжил еврея. Теперь он остался опять один на свободе от жидовской конкуренции и опять стал покупать хлеб у крестьян за что захочет, по стачке.

Это не измышление и не частный случай, а настоящее дело. В издаваемом правительством «Сельском Вестнике» (июнь 83 г.), конечно, не даром сделано разъяснение народу насчет «барышников,

которые торопились выжать сок» из попавших в их руки дворянских имений, и насчет мелких кулаков, во множестве выраставших повсюду из местных же сельчан.

Мы верим правительственному органу и еще более недоумеваем: может ли быть страшен великорусскому крестьянину пришелец-еврей при таком сильном, цепком и бесцеремонном домашнем эксплоататоре, каковы кулак и мироед? Еврей может быть страшен только этим кулакам и мироедам и то в таком только разе, если этот пришелец в состоянии обмануть этих местных людей, бессовестных, крепких тонкой сметкой и способных не остановиться ни перед чем на свете. Но в этом можно сомневаться. Вспомним одно, что в целом мире ни у какого народа нет такой эпопеи обмана, как «Мертвые души», и не забудем характерного замечания того англичанина, который, по прочтении поэмы Гоголя, сказал, что «этот народ непобедим, ибо такой плут, как Чичиков, ни в каком другом народе не мог родиться».

Кто может лучше устоять в деле народного распойства — еврей или христианин, одинаково в том заинтересованные, — для этого есть пригодное сравнение.

Каждому винному откупщику нужно было, чтобы народ в его откупной черте пил как можно больше вина. В этом была откупщикова польза. Отрезвление народа в каждой данной местности равнялось разорению откупа, который содержал очень большое число своих служителей и кроме того множество казенных чиновников. Но вот незадолго перед уничтожением откупов, в царствование Александра II, с почина католических ксендзов начались было «общества трезвости». Они очень быстро и свободно распространились по Литве и на Жмуди, где откупщиками были евреи, и эти откупщики в здешних местах скоро и основательно разорились, но вопиять против христианской проповеди не посмели, да не придумали и никаких других средств, чтобы повредить распространению трезвости.

Совсем не то видим, когда дело дошло до Калуги, где кто-то из местных духовных тоже было пожелал подражать ксендзам в призыве христиан к трезвости. Откупщики русского происхождения и православного исповедания тотчас же нашли средство остановить эту попытку отрезвить народ словом христианского убеждения и положили трезвости прочный конец. Уста проповедников трезвости были запечатаны, но только не от иудеев.

История эта нашла для себя изображение в хронике Лескова «Соборяне». Откупщики-жиды оказались и ненаходчивыми и бессильными в сравнении с откупщиками из православного купечества и частию из знатного российского дворянства.

После такого примера мы не видим, за что бы можно было дать еврею какой-нибудь преферанс в уменьи вести распойное дело в народе. И в почине, и в мастерстве устранять неблагоприятные для распойства случайности все преимущества оказываются на стороне православных русских.

IX

Остается все-таки тот факт, что евреи шинкуют. Это верно. Но пусть никто не подумает, что это весьма распространенное в еврействе занятие есть тоже и излюбленное занятие.

Совсем нет!

Еврей и пьянство между собою не ладят. Известно всем, что между евреями нет пьяниц, как между штундистами, молоканами и некоторыми другими из русских сектантов евангелического духа. Пьяный еврей несравненно реже даже, чем пьяный магометанин. Человеку трезвому противен самый вид пьяного, а докучная, бестолковая и часто безнравственная беседа пьяницы — омерзительна. Сносить целые дни на своих глазах такое безобразие за грошовую пользу может заставить только самая тяжелая нужда. Притом хмельной человек дерзок и буен, и от слов он легко переходит к драке, для которой поводом может служить самое ничтожное обстоятельство. Среди нескольких таких, вкупе собравшихся, пьяниц еврей нередко остается один... Положение его постоянно рискованно, а еврей жизнелюбив, — очень нежный отец, — он очень любит и жалеет своих бахеров. Почему же он все-таки сидит в кабаке? На это стоит ответить.

Еврей сидит в шинке по трем причинам: 1) потому, что при непомерной скученности евреев в черте их оседлости слишком сильна всякая торговая конкуренция на малые средства, и еврей хватается за все, за что только возможно. 2) Еврей шинкует потому, что он также любит производство, на которое более спроса. В местности, где живет еврей в России, всего более спроса на водку, и еврей является продавцом этого ходкого продукта. На книгу здесь спрос всего менее, и евреи книгами не торгуют, но в Варшаве, в Вильне и в Петербурге они торгуют и книгами. Их живой коммерческий смысл сейчас же везде прилаживается к спросу.

Двадцать лет тому назад евреи не издавали в России газет, но появился спрос на газеты, и сейчас же в Одессе нашелся еврей Рабинович, который явился с предложением своих услуг; теперь их есть уже несколько. Усмотрев в Киеве, сколь прибыльно дело от

торговли изображениями святых, евреи занялись даже этим, по-видимому, совсем не подходящим для них издательством. Они, как известно, заказывают в Берлине хромолитографические изображения, которые, по правде сказать, значительно лучше и дешевле таких же изображений местного производства. Евреи — люди торговые, а не филантропы, и коммерческий склад их ума всегда стремится изыскать всевозможные средства к тому, чтобы получить заработок посредством удовлетворения существующему или возникающему спросу. Где спрашивают только водку, там еврей тем и озабочен, чтобы подать водку. Ему нельзя здесь производить иные предметы, которых у него никто не потребует. Вот от чего еврей и шинкует, — не без отвращения к этому делу.

Политическая экономия, правда, учит, что «как запрос вызывает предложение, так и предложение вызывает запрос», и законы этой науки, быть может, верны, но только в применениях более широких, а частный человек с бедными средствами всегда будет стараться применяться к запросу, какой существует и дает скорый, немедленный заработок. А как запрос на водку везде по России очень оживлен, то нет ничего естественнее, чем еврейская приспособительность стремится дать именно на этот живой запрос самое соответственное предложение. Это, разумеется, не рыцарственно, но и не так возмутительно низко, как то стараются представить враги еврейства, которые забывают или не хотят знать, что услуги евреев в распродаже питей в черте еврейской оседлости признаются *нужными* и самим правительством.

Несколько лет тому назад евреям было запрещено держать шинки, но распоряжение это было отменено по представлениям акцизного ведомства, и отмена эта была необходимою, потому что местные крестьяне не хотели заниматься беспокойным и грязным шинкарским промыслом, а от того казне угрожал очень серьезный убыток.

Следовательно, пока акциз с вина составляет важнейшую статью государственных доходов, еврей даже необходим в шинке во всей той местности, где нет других предприимчивых людей, сродных терпеть этот грязный род торговли. А в таком случае и порицать евреев за то, что они занимаются не почтенным, но в силу условий существующего положения *необходимым* промыслом, — совершенно напрасно, да и не предусмотрительно.

Если бы евреи имели то кагальное всевластие над своими единоверцами, о котором довольно много лишнего написал г. Брафман, то они давно бы воспретили шинкарский промысел всем своим еди-

новерцам, ибо всем порядочным людям из евреев крайне неприятно, что их соплеменников беспрестанно этим попрекают. Для еврея это было бы полезно, но тогда в Малороссии сейчас же остановилась бы торговля вином, и, чтобы сохранить доходы казны, пришлось бы, может быть, делать вызов целовальников из России, из московских людей, «за которых и в тамошнем соборе никто не ручается» (П. С. З. 1603), и «приводить их к вере по святой евангельской, непорочной заповеди» (103). Так это было в старину, когда таковых людей «выкликали через бирючей»... И было бы возобновить эту старину наново, значит не унять нынешнее пьянство на Руси, а создать некую последнюю вещь горше первые. Лучшие люди в еврействе, однако, не могут сделать этого, весьма им желательного, запрета только потому, что в их распоряжении нет такого кагального авторитета и такого террора, о каком с преувеличениями говорит Брафман. Пусть это и было в те времена и в тех случаях, на кои указывает г. Брафман, но все это более не существует, и то, что мы говорим, — не голословная фраза.

Еврейство, живучи между христианами, тоже испытывает на себе влияние идей века и тоже чувствует сильное ослабление старых учреждений, основанных на авторитете религии. Кагал, как религиозная община, есть своего рода миф, власть его не более сильна, как власть простого общественного мнения, которое нынче уже нигде не обнаруживает такой силы, чтобы сдерживать человека на идеальной высоте помыслов, когда ему угрожает реальная опасность — погибать от голода.

Да и стоит ли хлопотать, чтобы не шинкарил еврей, а сидел вместо него орловский или калужский обирало-целовальник? Какая польза была бы от такой замены? Как еврей-шинкарь не может быть филантропом, точно также никогда таковым не будет и православный кабатчик, — точно такой же, если не хуже, ростовщик и обирало. Вспомним, что сами воеводы и их дети, продавая чарки крестьянам, «с иных *все* платье снимали в заклад» (Соловьев, т.IX, 401).

Если стоит о чем в этом деле подумать, то это совсем о другом... Пока брак, крестины, похороны и всякое храмовое торжество — им же несть числа — у православных, будто как у язычников, только и «красны пьянством» и мужик, прося в долг вина, жалобно стонет, что «ему без того *нельзя помолиться*», — то при жиде ли или православном кабатчике он все равно понесет в заклад шинкарю какую-нибудь нужную в хозяйстве вещь их тех, что на официальном языке удобно называется «крестьянскими излишками». Еврей и русский кабатчик одинаково примут заклад и возьмут проценты, — еврей несколько меньше, а православный гораздо побольше.

Только и разницы.

Не лучше ли смотреть в другую сторону, где можно видеть кое-что наводящее на более плодотворные мысли.

Вот факт: где появляется штунда или, как ее называют, «непитущая вера», там православный кабатчик сначала делает доносы, а потом бежит оттуда, ибо видит, что ему «тут уже делать нечего». Он нащупывает себе место среди людей более православных, а еврей шинкарь, которому некуда отбежать от еретиков, бросает шинкарство и приспособляется заняться тем, что указывает ему запрос образующегося нового культа. Среди штундистов еврей часто начинает с того, что подвозит контрабандным путем для новых христиан русские Библии лондонской или венской печати (без апокрифов); или он открывает чайную, или, наконец, строит стодол с поместительною залою для собраний нововеров, любящих читать вместе слово Божие. Вообще еврей сейчас применяется и делает что-нибудь такое, что подходит к изменившимся условиям жизни окружающей его среды.

И да не очернит ложь уста христиан, — еврей сам уже таковую перемену похваляет и сам радуется, ибо, повторяем, он по натуре своей как не любит крови, так не любит и пьяных, с которыми ему в шинке беспокойно и небезопасно.

Словом, при первой возможности оставить это ремесло без потери выгод, еврей сейчас же спешит этим воспользоваться и является перед соседом-христианином с таким новым предложением, какого тот спросит. А пока дела в околице стоят так, что для всех всего милее водка, - до тех пор ненарушимо будет исполняться экономический закон: «каков спрос — таково и предложение».

X

Все нехорошее, что делает еврей, обыкновенно приписывается его злой натуре или его плохой вере, при чем, к великому греху христиан, из них и об одном и другом редко кто имеет настоящие понятия. Доказательства налицо: большая газета, как «Новое Время», посвятивши еврейскому «врожденному мошенничеству» многие столбцы, наконец в июне месяце 1883 года узнала на всемирной выставке в Амстердаме, что все алмазы и брильянты на 33-х амстердамских промышленных фабриках гранят евреи и что они не только искуснейшие в этом деле люди, но что между ними нет также ни одного вора.

Еврей — и не крадет ни алмаза, ни брильянта, которые так легко спрятать и которые могут выпасть!

Но это в Голландии. Наш русский жид, быть может, иной природы, или инакова природа людей, окружающих жида в Голландии, где ему верят, и в России, где ему беспрестанно мечут в глаза, что он плут и бездельник...

Последнее, кажется, едва ли не вернее. Стоит ославить человека канальею, относиться к нему, как к канальe, и в нем в самом деле явится нечто канальское.

Так у нас и сделали, и факт, что жид живет честным человеком на берегах Амстеля, не в силах изменить мнение тех, кому хочется настаивать, что на берегах Днепра жид может быть только эксплоататором и плутом.

Во время царствования в России императора Николая Павловича в Англии возник спор за евреев, и благородные друзья человечества, не отрицая очевидных фактов нравственного повреждения в нищенствующей и полунищей массе еврейства, признали своим христианским и человеческим долгом помочь этим людям исправиться немедленно же. Было сказано: «начнем это не с завтрашнего дня, а с сегодняшнего». Так, кажется, должен бы сказать и всякий, кто хочет видеть еврея лучшим человеком, чем каков он есть при нынешнем загоне. Что именно предполагалось «начать» в Англии для того, чтобы уничтожить специфические еврейские пороки? Уничтожить все удерживающее евреев в изолированном положении и признать их равными по правам жизни с другими, т.е. уничтожить все особые о них положения, поддерживающие изолированность.

Слово «еврейская изолированность» сделалось тогда таким же модным, как в последние десять лет «еврейская эксплоатация», и пришло в Россию.

Между государственными людьми Англии были умы, в которых робкая осторожность превозмогла инициативу. Эта осторожность внушала страх, что сравненные со всеми другими евреи вредно повлияют на общие нравы, но люди более широкого и дальнозоркого ума указывали а пример Голландии, где жидовское рассеяние и смешение сильнее, чем во всякой другой стране, и между тем жид здесь не только не возобладал над христианским населением, но евреи представляют класс страдальческий («Так это и поныне», — как свидетельствует отчет «Нового Времени» об амстердамской выставке 14 июня 1883 года). К чести века и к удовольствию добрых просвещенных христиан в Англии идея человеколюбия и справедливости восторжествовала над традиционными страхами, и худого не вышло. «Еврейская изолированность» исчезла, и жида в Англии теперь даже трудно стало распознать от англичанина, как и от голландца. Произошла гражданская ассимиляция.

В тогдашнее время газеты в России передавали европейские события глухо и невнятно. Достоинства или недостатки капитальных общественных реформ даже на чужбине не встречали в России новых оценок, которые позволяли бы судить о настроении умов в здешнем обществе; но, однако, есть приметы, что тогдашнее русское общество было на стороне уничтожения «изолированности» и, что всего важнее, на этой же стороне был сам император Николай Павлович. Что касается общества, то благосклонность его к евреям мы видим в том, что в городках, смежных с чертою еврейской оседлости, местные обыватели постоянно привечали и укрывали евреев-ремесленников, ибо находили их очень для себя полезными. Местные власти тоже везде им мирволили, ибо и для них, как и для прочих обывателей, евреи представляли значительные удобства.

Когда в сороковых годах по указу императора Николая были отобраны крестьяне у однодворцев, поместные дворяне увидели, что и их крепостному праву пришел последний час и что их рабовладельчество тоже есть только уж вопрос времени. Увидав это, они перестали заводить у себя на дворе своих портных, своих сапожников, шорников и т.п. Крепостные ремесленники стали в подборе, и в мастеровых скоро ощутился большой недостаток. Единственным ученым мастеровым в селах стал только грубый кузнец, который едва умел сварить сломанный лемех у мужичьей сохи или наклепать порхницу на мельничный жернов. Но и то как это делалось! Наверно немногим лучше, якоже бысть во дни Ноевы... Даже чтобы подковать порядочную лошадь, не испортить ей копыт и раковины, приходилось искать мастера за целые десятки верст.

Во всем остальном, начиная от потерянного ключа и остановившихся часов, до необходимости починить обувь и носильное платье, за всем надо было относиться в губернский город, отстоящий иногда на сотни верст от деревни, где жил помещик. Все это стало делать жизнь дворян, особенно не великопоместных, крайне неудобной, и слухменые евреи не упустили об этом прослышать, а как прослышали, так сейчас же и сообразили, что в этом есть для них благоприятного. Они немедленно появились в великорусских помещичьих деревнях с предложением своих услуг. Шло это таким образом: еврей-галантерейщик, торговавший «в развоз» с двух или трех повозок, узнав, что в России сельским господам нужны мастера, повел с собою в качестве приказчиков евреев портных, часовщиков и слесарей. Один торговал, — другие «работали починки». Круглый год они совершали правильное течение «по знакомым господам» в губерниях Воронежской, Курской, Орловской, Тульской и Калужс-

кой, а «знакомые господа» их не только укрывали, но они им были рады и часто их нетерпеливо к себе ждали. Всякая поломка и починка откладывалась в небогатом помещичьем доме до прихода знакомого Берки или Шмульки, который аккуратно являлся в свое время, раскидывал где-нибудь в указанном ему уголке или чулане свою портативную мастерскую и начинал мастерить. Брался он решительно за все, что хоть как-нибудь подходило под его занятия. Он чинил и тяжелый замок у амбара, с невероятною силою неуклюжего ключника, поправлял и легкий дамский веер, он выводил каким-то своим, особенно секретным, мылом пятна из жилетов и сюртуков жирно обедавшего барина и артистически штопал тонкую ткань протершейся наследственной французской или турецкой шали. Словом, приход евреев к великорусскому помещику средней руки был весьма желанным домашним событием, после которого все порасстроившееся в домашнем хозяйстве и туалете приводилось руками мастерового-еврея в порядок. Еврея отсюда не только не гнали, а удерживали, и он едва успевал окончить работу в одном месте, как его уже нетерпеливо тащили в другое и потом в третье, где он тоже был нужен. Притом все хвалились, что цены задельной платы у евреев были гораздо ниже цен русских мастеров, живших далеко в губернских городах. Это, разумеется, располагало великорусских помещиков к перехожим евреям, а те с своей стороны ценили русский привет и хлебосольство. Путешествовавшим евреям давали угол, хлеба, молока, овощей, гарнец овса для их кляч и плошку или свечку, при свете которых евреи-мастера производили свои энциклопедические занятия, чуть не во всех родах искусства. В хозяйстве помещиков такое хлебосольство стоило очень мало, но еврей хороший счетчик: он берет в расчет все. Он не простофиля, — он знает во что бы ему обошлись все эти великодушно даром ему предложенные удобства, если бы ему пришлось за них заплатить дома, в его «бисовой тисноти», как он называет переполненную черту своей «постоянной оседлости». И вот он всю эту стоимость скинул со счета на цене сделанной им работы. Еврей ничего не потерял на такой сбавке, а помещик был в восторге от очевидной выгоды и хвалился, что он заплатил денег гораздо менее, чем взяли бы с него в губернском городе. И оба — и еврей, и помещик — оставались чрезвычайно довольны друг другом.

— Прощай, Борис! — говорил еврею помещик, давая ему не в счет всего прочего, четверик овса и гарнец пшена на дорожную кашу — Не забудь меня, когда опять будешь!

А жид раскланивался, приговаривая:

— Будем, будем, — не забудем.

Таковы были эти законопреступные отношения, проторившие еврею первые тропы к тем великорусским людям, к которым и нынешние евреи стремятся.

XI

Власти, как коренные, так и выборные, начиная от дворянских предводителей, до городничего и станового, нуждались в сказанных услугах евреев столько же, сколько все другие обыватели, и потому евреи в сороковых годах, несмотря на всю тогдашнюю будто бы строгость, свободно обтекали ближайшие великороссийские губернии и везде по деревням у дворян торговали и работали.

Богу одному ведомо, с какими они ездили паспортами, но в городе Кромах, Орловской губернии, раз один любознательный солдат из грамотных отобрал у евреев при городской заставе документ с печатью, который оказался объявлением Оподельдока о его майском бальзаме или летучей мази. В другом случае там же было получено красивое печатное объявление о папиросах Спиглазова. Уголовщины из всего этого не вывели. Оба документа только возбудили смех да заставили евреев произвесть бесплатно в городническом доме некоторые необходимые починки. Затем те же самые объявления были им возвращены для дальнейшего свободного следования.

Фальши тут не находили, а видели, так сказать, только «игру фантазии».

Великорусское дворянство и средний класс мелких городов открыто покровительствовали евреям и завидовали жителям те мест, где «всегда есть под рукою услужливый еврей». Еврей в Кромах никому не мешал, не исключая самого уездного отца-протопопа, которому он выверял солнечные часы на его широком, как площадь, дворе и доставлял превосходную «нежного блеска лоснящуюся ваксу» для его опойковых со скрипом сапог. Иногда отец-протопоп указывал на еврея и в «беседах» — «как-де он крепок в своем заблуждении, а мы, обладая спасительною истиною, — слабы и малодушны».

Еврей так всеми своими боками и пришлифовался.

Живой и общительный характер великорусских людей, не питавших тогда в здешних местах тупой казацкой презрительности к жидовину, породил между ними отношения только приятные.

Рассказанное здесь движение еврейства никогда не указывается ни врагами, ни друзьями еврейского вопроса, а оно составляет достопримечательный и несомненный факт сороковых годов. Об нем словно не знают газеты, ни еврейские, редактируемые людьми, бытовая опытность которых началась со вчерашнего дня, ни русские, во главе которых нередко стоят люди очень незначительного беспристрастия. А эти факты важные, как доказательство, что еврей пришел в Россию в новейшее время не перед погромами, а гораздо раньше, и что вначале искал возможности жить здесь без шинкарства, и никому не был в тягость.

Если бы тогда, в тех сороковых и пятидесятых годах, великорусское дворянство, купечество и мещанство было вопрошено: желают ли они оставить у себя на оседлости тех прихожих евреев, которых они передерживали у себя, нарушая законные постановления, то невозможно сомневаться, что самый искренний ответ был бы в пользу евреев. От всех этих великороссов получился бы такой же ответ, каковой дали в «Московских Ведомостях» московские купцы.

Это, смеем думать, было бы мнение общества, т.е. лучшей его части: но теперь, вместо того, стараются ставить на вид другое мнение, — мнение кулаков, не составляющих хорошей среды общества.

До сих пор мы говорили, как относились к евреям в сороковых годах частные люди в великороссийских губерниях. Теперь взглянем, как относился к ним сам государь Николай Павлович, в царствование которого последовало много важных распоряжений о евреях.

Может быть, цели и намерения покойного императора Николая не всегда были совершенно понятны и применимы не везде счастливо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Известно ли было покойному государю Николаю Павловичу, как относилось к евреям великороссийское поместное дворянство, мы об этом не можем выразить никаких соображений, но думаем, что если бы такие вести дошли до императора, то они могли бы его разгневать разве только как послабление в исполнении закона. Но дух сближения не мог быть ему противен, ибо император Николай сам желал противодействовать «изолированности» евреев и хотел достичь их гражданской «ассимиляции» с прочими подданными.

Имели ли в этом случае какое-нибудь влияние на взгляды государя принципы, руководившие друзьями еврейского вопроса в Англии, или его величество сам пришел к убеждению, что «изолированность» надо прекратить и ввести «ассимиляцию», это нам неизвестно, и в том мы видим себе укоризны. Освободительные идеи государя Николая Павловича насчет крестьян, которые он несомненно имел и о которых говорил графу Чернышеву, так же неизвестны нам, как были неизвестны и многим государственным лицам его царствования. Да, собственно говоря, не в этом и дело; каким бы путем государь не пришел к убеждению, что с «изолированием» надо кончить и сделать «ассимиляцию», — важно то, что эта идея его занимала. К осуществлению этого в царствование государя Николая был предпринят целый ряд мер любопытных и вполне достойных внимания тех, кто ныне призван сообразить все касающиеся еврейского дела.

Надо думать, что государь Николай желал ассимиляции даже более всесторонней и плотной, чем та, о какой хлопотали в Англии; он хотел произвести все вдруг, прямее и кратче, чем шло в Англии. У нас и действительно представлялось возможным достичь всего посредством одного повеления, обязывающего к точному исполнению воли монарха.

Преобразования в еврействе начались у нас с наружности евреев, которую решено было изменить к лучшему, но далее они обнимали всю сферу труда и умственности и завершались высшей кульминационной точкой — религиею.

Прежде всего началось, так сказать, с переобмундировки: евреям велели обрезать их пейсы и запретили носить пантофли, ермолки, лапсердаки с цицисами, шапки с меховою опушкою, широкополые шляпы, длиннополые широкие турецкие кафтаны, схожие покроем с рясами, какие со времен султана Мурада носят православные духовные.

Несмотря на часто вспоминаемую строгость николаевского времени, намерение преобразовать внешность евреев встретило большие затруднения. «Преобразование евреев» в их внешности дало только полицейским чиновникам один новый, но очень хороший повод к поборам. Широкополые шляпы, шапки с опушью и ермолки держались очень долго и по местам не совсем еще вывелись по сю пору; длиннополые охабни нашли компромисс в длинных сюртуках по щиколотку, а лапсердаки (как одежда унижения) и цицисы уступили не настояниям полиции, а «австрийской моде». Венский более изящный вкус в это время очень кстати изобрел «аккуратненькие лапсарду», которые любой франт может носить, не выпуская их наружу, при еврейском платье. Удобная мода эта перешла к нам через Броды сначала в Дубно, потом в Ровно, и, наконец, разлилась повсеместно, благодаря большому сочувствию всех еврейских щеголей, давно наскучивших хохлатыми цицисами и лапсердаками. Но старшее поколение ветхозаветных так и доносили свои лохмотья до износа. Те же евреи, которые пускались промышлять торговлею или ремеслами в великороссийские губернии, еще прежде, до распоряжения о «преобразовании», сами попрятали свои лапсердаки. Они охотно стригли и пейсы («стригались по-адесску») и носили такие сюртуки, какие и по сей день носит русское степенное купечество. То есть, вращаясь среди русских, сами не хотели отличаться от них видом и одеждою, которую в черте их оседлости с них приходилось снимать почти насильно. Секрет этого заключался в том, что в «черте», где их много, они друг перед другом стеснялись и крепились, а в разброде сами захотели «преобразоваться». В Одессе было замечено, что прибывающий туда еврей прежде всего сейчас же «стригался по-одесски», а потом волосы до прежней длины никогда уже у него и «не вырастали». Говорили, что у одесских стригачей «такие ножницы».

Туфли выводились тоже медленно, пока на этом настаивали, но потом сами стали исчезать. Сапоги оказывались удобнее туфель в глубокой грязи местечковых улиц, а за пейсы только ловчее хватались драчливая рука офицера и чиновника.

В этом роде «преобразование» кое-как удалось, хотя, впрочем, до сих пор еще не вполне. И теперь у еврея свой особенный нос, свой угол глаз, и по-своему на нем сидит его длиннополый сюртук.

Это, вероятно, уже надо оставить природе.

Вторым делом государя Николая I было призвание к просвещению еврейского юношества. И в этом отношении евреи тогда действительно были уравнены со всеми русскими подданными соответственных сословий: евреям из купеческого класса был открыт доступ в гимназии наравне со всеми, но в высших заведениях евреи опять уже встречали ограничения: им дозволено было изучать только одни медицинские науки. В этом было большое неудобство, ибо ко врачеству, как известно, не все люди сродны, да и потом не все евреи-медики могли находить себе места на службе, так как число евреев-врачей было ограничено известным процентным отношением к общему числу медиков. Права, приобретаемые другими по образованию, не были уделом евреев, и это сделалось причиною, что ученость между евреями распространялась не так быстро, как желал император Николай. Практический ум евреев не видел резона затрачивать время и деньги на обучение детей таким наукам, из которых нельзя было извлечь в жизни никакой практической пользы.

И в этом очень трудно обвинять евреев или осуждать их строже купцов и мещан великорусского происхождения, которые тогда, при несравненно более широких путях для карьеры, тоже не понимали пользы бесприкладного образования и детей своих в казенные школы не отдавали.

Конечно, можно было поставить в вину евреям: почему же они из преданности государю не отдавали детей учиться ради самой науки? Но, во-первых, такая наука для науки у евреев существовала, и ей не надо было учиться в русских школах. Евреи изучали ту науку в тихой безвестности у своих библейских мудрецов, которые сумели дать наилучшие ответы порицавшему Библию Вольтеру.

Выше этой науки богословско-философского и исторического характера ум тогдашнего еврея не представлял и не мыслил. Что же касается до происхождения курсов русских средних заведений con amore, без всякой практической пользы от затрат на это образование, то требовать подобного от евреев значило бы простирать к евреям такие претензии, каких не предъявляют ни к кому другому.

Однако, факт все-таки тот, что и в этом положении евреи купцы отдавали детей в гимназии чаще, чем купцы русского происхождения.

Третий род мер к уничтожению «изолированности» и к «ассимиляции» было введение рекрутской повинности, производившееся приемами, устрашавшими и заставлявшими содрогаться все сердца; евреев брали от родителей в малолетстве и отправляли их в отдаленные баталионы, где их крестили в православие по ранжиру.

Солдатство евреев до известной степени послужило уничтожению «изолированности» и «ассимиляции», но только в том отношении, что отставные солдаты из евреев, вкушавшие на службе по необходимости «треф» и нарушавшие по той же необходимости субботу, не все пошли назад в «места своей прежней оседлости», где их, как «трефлоных», могло встретить недружелюбие ортодоксов, а стали по праву отставных солдат приписываться к другим городам, «вне черты». Таким образом впервые появились в России первые оседлые евреи, совсем «изолировавшиеся» от кагана, но и это явилось последствием одной из мер императора Николая к уничтожению еврейской «изолированности». Цель императора Николая Павловича этим в некоторой степени достигалась, но потом некоторым невеликим людям припала забота и это испортить. В недавние годы голова одного великорусского городка возбудил вопрос о детях, которых эти солдаты нарожали в новых местах своего жительства и сами умерли. Вопрос заключался в том, что не будет ли справедливо теперь этих, здесь рожденных, солдатских детей выгнать в «черту» еврейской оседлости, где у них нет ни пяди земли, ни родства, ни связей. Вопрос этот и до сих пор еще не решен, а дети еврейских солдат, рожденные на великорусской земле, не выгнаны только благодаря министерскому распоряжению, имеющему, впрочем, временный характер.

Люди эти, конечно, предпочитали бы иметь для своей защиты твердый закон, а не личную милость, которая может быть изменчивою.

Думается, что покойный император Николай I, большой любитель войска и охотник ценить заслуги солдат, вероятно, был бы недоволен тем тревожным положением, в котором находятся ныне дети честно ему служивших солдат из евреев.

Евреи верят, что венценосный внук императора Николая не дозволит отнять у детей и внучат николаевских солдат право жить там, где их родили и воспитали отцы их.

Четвертый способ уничтожения «изолированности» шел рядом с двумя сейчас только названными, т.е. с рекрутством и сопровождавшим оное крещением малолетних. Это был опыт приучения евреев к *земледелию* — опыт, прекрасный по замыслу, но, к сожалению, совершенно неудачный по исполнению.

Об этом надо говорить подробней.

II

Евреям-мещанам, которые объявят согласие оставить свою оседлость в еврейских городках и торговых местечках, положено было отводить в достаточном количестве казенные земли, по преимуществу в степном херсонском крае, и, кроме того, им давали пособие на подъем и сельское обзаведение на новом месте.

Казалось бы, можно было ожидать большого движения из душной скученной «черты» на широкий простор новороссийских, не знавших плуга, степей, но результат не оправдал таких ожиданий. Напротив, он дал повод должностным лицам представлять государю о «еврейском упорстве».

Как и почему в самом деле евреи, сидящие на носах друг у друга в Гомеле, Шклове, Бердичеве и Белой Церкви, где они по расчету зарабатывают средним числом около 7 коп. в день на взрослого человека и питаются сухим хлебом, потертым зубцом чеснока, не захотели дышать простором степей, где носится один ковыль да перекати-поле?

Чиновники считали это «упорством», но дело имеет другое, более верное объяснение.

Евреи — такой народ, который способен взвесить и обсудить выгоды одного и другого положения, и не им надо удивляться, что они не шли пахать херсонские степи, а тем, кто не умел представить государю все детали этой очень хорошей по замыслу операции. Удивительно, что никто из трактовавших об этом деле не обратил внимания на самую существенную его сторону, — на то, что земледелие, особенно в девственном степном крае, требует не одной доброй воли и усердия, но и знаний и навыка, без которых при самом большом желании невозможно ожидать от земледелия ближайших полезных результатов.

Каждый городской обыватель из образованного или необразованного класса знает, что переход от городской жизни к сельскому хозяйству есть дело чрезвычайно серьезное и трудное. Если кому доводилось отваживаться на такое дело, то он по доброй воле приступал к нему не иначе, как с запасным капиталом на полный севооборот по трехпольной системе (т.е. на четыре года). Без такого запаса первый случайный неурожай, градобой или другой неблагоприятный случай в течение четырехлетнего периода угрожает остановить весь почин дела, погубить даром все положенные труды и привести молодое, неустоявшееся хозяйство к разорению.

Такие последствия доказаны в обширных размерах на судьбе европейских колонистов Нового Света, где опытное и сведущее в сельском хозяйстве правительство признало необходимым давать земли только таким людям, которые имеют достаточные средства выдержать случайные невзгоды, почти неизбежные при основе полевого хозяйства. А земли Америки если не везде лучше земель степей новороссийских, то почти всегда находятся в лучшем положении в отношении кредита и сбыта продуктов. Кроме того, они представляют земледельцу больше уверенности в строгой охране его права твердым законом и обычным уважением к достоянию труда. Наши помещики Нарышки и гр. Перовский, делавшие большие заселения степных земель своими крепостными крестьянами из срединных губерний, поддерживали переселенцев на новых местах по пяти и по семи лет.

Евреи наши, из которых мог бы быть образован класс степных земледельцев, все были бедняки. Это были люди, пришедшие «в черте» в полное захудание и еле влачившие полунищенское существование на счет кое-какой общественной благотворительности.

О собственном обеспечении на четыре года хозяйства первого севооборота у них не могло быть и речи. Если бы у них был такой капитал, то никто из них и дома не бедствовал бы и не вызывал бы правительственных забот, а предпринял бы на своем родном месте дело по своему уму и знаниям. От всякого такого дела он скорее съел бы хлеб свой, ибо всякое, решительно всякое дело еврею более знакомо и более сподручно, чем земледелие, от которого еврейство совершенно отвыкло вследствие долгих особенностей его роковой судьбы.

Но еврею помогало правительство. Это правда.

Весь капитал, с которым русскому еврею предстояло двинуться с своей убогой мещанской оседлости (где его, однако, кое-кто знал и кое-как поддерживал) и идти в безлюдную степь на совершенно незнакомое дело, действительно заключался в том вспоможении, которое назначало правительство на первое обзаведение. Капитал этот был рассчитан с строгою умеренностью на путевые расходы и на первое обзаведение. Если этого вспоможения даже и достало бы опытному в полевом хозяйстве крестьянину, то неопытный человек с ним ничего не мог сделать. При первом неурожае в первую тяжелую зимовку ему с семьею в голой, безлесной степи приходила верная и неотразимая холодная и голодная смерть. Такая смерть страшна всякому, как эллину, так же и иудею.

Опасности в сказанном роде часты и почти неизбежны, и их боится всяк, но человек не приученный к земледелию страшится их и должен страшиться еще более. Ему страшно все, ибо он понимает, что хозяйственное дело требует знания, а у него нет этого знания... Он обречен ужасною необходимостью приступить к делу, без обеспечения на случай первой неудачи и с неопытными руками, без всякой надежды на чью-либо поддержку... Положение кругом рискованное и отчаянное! Не понимая его — наделаешь глупостей и ошибок, понимая — опустишь в отчаянии руки... И так, и этак — получается несчастие...

Предусмотрительный ум евреев разобрал это, взвесил, оценил все его pro и contra и нашел, что переход из местечек «черты» на земледелие в степях, казавшийся правительству столь удобным, на самом деле не только неудобен, но просто страшен, и что даже самые плохо оплачиваемые работы, даже самое нищенство в «черте» между своими все-таки грозит меньшею бедою.

Хоть отогреешься, как нетопырь, у соседской трубы... хоть сгложешь выброшенную сытым соседом корку... Вот следствие каких простых соображений еврей не пошел в землевладельцы на даровые земли в степи, и вот это-то приписывали его «упорству»...

Не имело ли такое «упорство» против себя какое-то формалистическое легкомыслие?

III

Переселения в степи на хлебопашество, однако, бывали, — более только на бумаге, но в весьма редких случаях на самом деле.

Это началось с тех пор, как с целью побудить евреев к переселению последовал закон об освобождении переселенцев от всяких повинностей и в том числе от рекрутства. Но все отбегавшие таким образом от рекрутской повинности, по миновании страха, от своей земли бежали, бросив на произвол судьбы все свое ничтожное хозяйство.

Эту неспособность еврея ужиться на полевом хозяйстве опять ставили ему в вину и снова были правы; но только по-своему. Еврей действительно не оказывал выносливости и терпения в борьбе с непривычными ему делами, но преодолима ли в самом деле борьба для неосвоенного с полеводством человека? Сошлемся в этом на хорошего свидетеля, на русского солдата старой, долгосрочной службы.

Между доблестными «кавалерами» старой русской армии, без сомнения, было множество превосходных людей. Добрая часть из них были герои, которые отличались честностью, мужеством в перенесении самых тяжких военных лишений, находчивостью, отвагою и часто удивительною, неустрашимою храбростью. Своеобразные и необычайно верные правде рассказы покойного военного писателя А.Ф.Погосского запечатлели ряд мастерски, художественно и верно списанных солдатских историй и типов. Всем литературно образованным людям известно, что у Погосского не было фантазии, а была только наблюдательность и способность художественно переносить виденное на бумагу. Известно из его же собственных признаний и то, что он изображенных им солдатских повестей и типов не сочинял или не выдумывал, а всегда списывал с натуры. Да и самые эти ручательства не имеют особой важности в виду того, что все солдатские повести и рассказы Погосского представляют самое верное отражение действительности. И что же мы видим как в этой действительности, так и в рассказах Погосского? Старинный солдат, происходивший по преимуществу из землепашцев, но оторванный от земли всего на 25 лет, возвращался ли он охотно к сохе? Далеко нет! Напротив, полевым хозяйством занимался редкий из отставных. Хотя «кавалеры» приходили домой, имея на плечах от 45 до 50 лет, когда еще крестьянин работает на поле во всю силу, но солдат уже считает себе это не по силам. В редком только случае он заводил себе «огородинку», т.е. грядки, какие имеет и еврей, но поля себе солдат не покупал, если даже и имел на то деньги. Даже если он шел в зятья к вольному хлебопашцу, то приспособлялся приносить пользу дому не хлебопашеством, от которого он отвык, а другими занятиями, которых он не знал до сдачи его в рекруты, но усвоил их себе на службе. Отставной солдат портняжил, сапожничал или безбедно-беспошлинно открывал самую мелкую, но ходовую фабрикацию табаку, т.е. крошил «дубексамокраще» и тер в глиняном горшке нюхательный «пертюнец» или «прочухрай», подмешивая к нему для чеса — чистой золы, а для букета и для крепости — доброй русской чемерицы. И если так умно приготовленный нюхательный «пертюнец» или «прочухрай» приходился крестьянам по вкусу и носы у них авантажнели, то честный кавалер проживал на счет этого безбандерольного производства.

О том, что беспошлинная торговля «прочухраем» приносит убытков казенному фиску, кавалер не заботился.

— Мало ли что? — говорил он. — а мне где взять? Красть не хочу.

И он не крал, а только портил крестьянские носы золой да чемерицей, а пахать все-таки не шел, — говорил: «отвык, — битая кость болит».

И был он во всех прочих отношениях человек честный и добрый, а не выстаивал «в борьбе за существование» и не наносил казне еще больший вред. При своей не весьма значительной табачной фабрике, состоящей из одного глиняного горшка, кавалер часто содержал под полем в ямке другой горшок с корчемным полугаром.

Во все время существования винных откупов, когда число кабаков было ограничено расписанием, отставные солдаты повсеместно занимались по селам не открытым шинкарством, которым занимаются евреи, платя за то установленный патентный сбор в казну, а тайным кормчемством безданно-беспошлинно (Один раз евреи даже платили по настоянию акцизных литературный сбор на книги г. Кордо-Сысрева). Солдатское корчемство, впрочем, трудно сказать, было ли даже для кого тайною. В любом селении, где жил какой-нибудь кавалер, никогда не случалось недостатка в водке, а на вопрос любого проезжего и прохожего крестьяне без всякой опаски рассказывали, что «кабака тут нет, а вон в той-то избе солдатик шинкует», и всяк, кому нужно было вина наскоро и в небольшом количестве или в кредит, а не на чистые деньги, шел к «кавалеру» и получал штоф или полуштоф.

Большими мерами кавалеры в новейшее время торговали редко, потому что винный подвал солдата, состоящий из ямки под полом, не вмещал много, а большое помещение представляло опасность на случай обыска, а ведро кавалер мог иметь для своего употребления и рисковал быть пойман в корчемстве только с «подсылом». Поимок этих, как явствовало из дел районных судов и уголовных палат, было множество, но они составляют самый ничтожный процент к несметному числу солдатского корчемства в откупных губерниях.

Встарь же стрельцы корчемствовали еще состоя на службе, и их примеру следовали солдаты полков Преображенского, Семеновского и Бутырского и «чинились сильны и не давали вынимать у себя продажного вина».

При откупах попадался в кормчемстве только такой кавалер, который был слишком жаден на прибыль и брал водку для корчемной распродажи не из «приходского кабака», а из кабака соседнего откупа, где ему давали вино с уступкой, «с напуском». Тогда местный «приходский» кабатчик на него доносил — иначе они делились выгодами. Выгоды же кавалера возвышались тем, что он подливал в вино воду, как подсыпал в табак золу. И, однако, при всех своих таких

неблаговидных занятиях этими делами «кавалеры» во всех других статьях умели оставаться честными людьми, но... землю пахать не хотели.

В отставных солдатах замечают даже много прямого благочестия, и во время управления министерством народного просвещения графа Дм. Андр. Толстого была мысль доверить им преподавание Закона Божия в тех сельских школах, где не законоучительствуют священники. И в этом, думается, не пришлось бы раскаиваться, а все-таки этот старинный кавалер лукавил торговлею, а землю не пахал, потому что отвык от нее... (Солдат новой, краткосрочной службы — совсем другая личность. Этот земли не забывает).

Пример солдата мы привели к тому, с целью показать, что не одному еврею трудно приняться за соху, которою еврей не владел с детства, да и дед не владел тоже.

IV

Историческая или генерационная приспособительность — не пустое слово без значения. Никто так хорошо не плавает, как жители береговые, никто лучше не лазит, как горцы. Переселить их одного на место другого — получится неприспособительность. То же самое о повороте к земледелию евреев.

Обратимся на мгновение к тем же солдатам, чтобы указать один пример еще большего общего характера. Солдаты из крестьян шли на службу от сохи; они плакали, их терзала тоска по родине, у них бывали нередко болезненные галлюцинации, вызывавшие обоняние скошенных трав или вид колеблющихся нив. Словом, их всем существом манило и влекло к полю. — Прекрасно! — Ружейная муштра с полировкою ремней и чисткою пуговиц приводила их в отчаяние; но проходил год, два, десять лет, и... человек так фундаментально переформировывался, что навыки совсем изменялись. До чего? А до того, например, что все, прежде ему милое, теперь становилось постыло, и наоборот. Большой и не шуточный, а трагический тому пример представило государству ретивое, но дурно обдуманное графом Аракчеевым введение военных поселений при императоре Александре I. Известно, что как на севере в новгородских, так и на юге в чугуевских поселениях обращение солдат «к пахотности» производило среди них только неудовольствия, закончившиеся бунтом и казнями.

Еврейская же отвычка от полевого хозяйства образована не одним поколением, а она есть последствие важных исторических условий их жизни, которых забывать не следует.

Библейская история свидетельствует, что и евреям, как и всем людям, дана способность возделывать поле и убирать его (хотя, впрочем, не очень чисто, как надо думать по истории Руфи). Палестинские евреи хозяйничали, — Христос указывает на их нивы, виноградники, точила, стада овец и супруги волов. Вскоре после роковой неправды, в которой человек был пожертвован субботе, еврейское царство пало, и началась неволя со всеми ужасами того времени. Римляне поставили плененных в такое положение, что земледелием им было негде заниматься. Вся история евреев в Европе с этой поры есть история ежеминутного страха и терзаний. В таком положении не до сельского хозяйства, которое требует спокойствия и уверенности, что никто не придет и не вытопчет безнаказанно посева и сожжет скирд. Евреи не могли иметь такого покоя. Полевое хозяйство в их положении сделалось невозможно, — они стали приспособляться к другому. Ежеминутные опасности всякого рода указали евреям необходимость запасаться сбережениями в таком удобопереносном виде, в котором бы можно было все легко скрыть и унести с собою на другое более безопасное место.

Так исторически образовалась страсть к золоту и другим легко уносимым драгоценностям. Страсть эта заметна в них уже в истории исхода из Египта, когда они, обобрав своих туземных знакомцев и потом соскучась долго стоять у Синая, безрассудно стопили все унесенное золото в одного ни на что не нужного тельца. Но раз что стены Иерихона пали и евреи сели в Палестине, они стали сеять и жать и собирать в житницы. Эту перемену, конечно, произвели покой и уверенность в том, что урожай земли будет принадлежать тому, кто бросил в нее зерна.

В Европе буквально не было такого благополучия для евреев, пока они появляются с Запада в Польше и в русских землях приднепровского казачества. Тут бы, может быть, и возможно было запустить плуг в землю еврейскою рукою, но повстречались иные условия. Несмотря на весь здешний простор, евреи еще менее могли забыть многовековые навыки, усвоенные ими под страхом средних веков в Европе. Ни в Польше, ни у казаков ничто не благоприятствовало их направлению к сельскому хозяйству, и все решительно ему противодействовало. С одной стороны, политические беспокойства и частые беспорядки не обещали в этой стороне покоя и ручательств за охрану полей, а с другой — польская магнатерия, имевшая обширные земли, имела для и обработки и очень много вполне к этому делу привычных и способных рабов. Жид, как пахарь, тут был никому не нужен; а между тем тут часто нуждались в людях, способных реализовать

остававшиеся долго без движения сырые продукты хозяйства; и вот еврей к этому пригодился, и опять так и пошел далее, все по торговой части.

Судьба, рок, случай, — назовите как хотите, — но дело в том, что еврейство во всей Европе и у нас все так попадало, что от него требовали не пашни, а совсем других занятий. Это и образовало в евреях родовую приспособительность особого, не земледельческого свойства.

Как же это изменить?

Вывод изо всего этого очевиден и прост: евреи утратили склонность к земледелию вследствие исторических причин, долго не благоприятствовавших их занятию сельским хозяйством. Отвычка от этого дела у них была так сильна, что она равняется утрате способностей к земледелию. Последнее доказывается примером тех еврейских переселенцев из Европы в Америку, которые хотели заняться землепашеством в Новом Свете, но не сумели себя к этому приспособить. Они оказались несостоятельными и бежали, а это доставило здесь много удовольствия, из которого, впрочем, хорошо бы извлечь и немножко пользы.

V

Обратить к земледелию евреев, не знающих рукомесла и не обладающих капиталами для достойных занятия торговых дел, не есть цель напрасная или недостижимая... Напротив, это и важно, и нужно, и человеколюбиво, и притом это вполне достижимо, только не вдруг, по одному мановению, как желали сделать при императоре Николае. Вековая отвычка может быть исправлена только тем же самым историческим путем. Этот путь медленный, но единственно верный: он состоит в том, чтобы поставить экономически бедствующую часть евреев в такое благоприятное положение, при котором бы в ней прежде всего исчез страх за свою обеспеченность от произвола страстей окружающего их христианского населения. Надо, чтобы погромы были невозможны. Затем необходимо уничтожить все «особенные» положения о землевладении для евреев и не-евреев, и дозволить еврею, как и не еврею, приобретать себе в собственность для возделывания мелкие участки. Лучший земледелец тот, кто возделывает свой любимый клок земли. Не в одних отдаленных степных местах, где хозяйство особенно трудно, надо дозволить сельские занятия еврею, а там, где ему нравится. «На немилом поле, — говорит пословица, — и урожай не мил». Пусть еврей пашет там,

где ему удобно, где он может найти кредит на случай временных затруднений, — что в степях совершенно невозможно. Словом, необходимо дозволить еврею приобретение поземельных участков везде, где это дозволено не-еврею, и тогда в России будут евреи земледельцы, как желал император Николай I.

В степные пустыни неумелым земледельцам идти нельзя.

VI

В царствование императора Александра Второго николаевские меры к «уничтожению изолированности евреев» частью совсем упразднились, частью сильно видоизменились. В этом направлении многие из них сделались очень пригодными для целей, намеченных государем Николаем I, но по несчастию, и тут опять произошло нечто странное и недоуменное.

Начнем последовательно.

Во-первых, заботы о крещении взятых от родителей еврейских мальчиков в батальонах военных кантонистов тотчас же по воцарении императора Александра Николаевича изменили свой скоропостижный характер. Огульные крещения прекратились. Вместе с тем вывелась из практики выдача выкрестам 30-рублевой награды. Это тоже было прекрасно, ибо, с одной стороны, положило конец проделкам некоторых плутов, повторявших над собою крещение несколько раз в разных местах, а с другой — эти «тридцать серебренников», напоминавшие счетом своим «цену цененного» — были как бы профанацею. Вероятно, что в мысли законодателя не было иронии в том, что за выкреста из евреев платили как раз столько же серебряных монет, сколько было выдано фарисеями за предание им Иисуса Христа, но народ видел или сам сочинил такую иронию и соблазнялся ею.

С воцарением государя Александра II крещбные операции за известные вознаграждения или поневоле прекратились, и прекращено тоже ужасавшее сердца забирание в рекруты еврейских детей в малолетнем возрасте. Евреи в отношении рекрутской повинности были сравнены с не-евреями. Третья из сильных николаевских мер к уничтожению «изолированности» евреев была — привлечение евреев к земледелию. Она не получила новых применений и оставалась по-прежнему без успеха. С нею, очевидно, ничего невозможно сделать, пока еврей состоит в особых отношениях к земле. Но зато четвертая из мер государя Николая, т.е. образование еврейских детей в русских училищах, сделала при Александре II успех огромный,

который наверно порадовал бы государей Петра I и Николая, но теперь же, к удивлению, он вызвал самые неожиданные и даже почти невероятные последствия.

VII

Как только при императоре Александре II было дозволено евреям получать не одно медицинское образование в высших школах, а поступать и на другие факультеты университетов и в высшие специальные заведения, — все евреи среднего достатка повели детей в русские гимназии. По выражению еврейских недоброжелателей, евреи даже «переполнили русские школы». Никакие примеры и капризы других на евреев не действовали: не только в чисто-русских городах, но и в Риге, и в Варшаве, и в Калише евреи без малейших колебаний пошли учиться по-русски и, мало того, получали по русскому языку наилучшие отметки. Учебная реформа, последовавшая при управлении министерством народного просвещения графом Дм. Андр. Толстым, возбудила против себя неудовольствия значительной доли русского общества, но со стороны евреев и она не встретила никакого неудовольствия. Напротив, это не только не уменьшило, но даже еще усилило приток еврейского юношества в классические гимназии. Удостоверяясь из разъяснений обстоятельных людей, что классическая система есть совершеннейшая и высшая форма образования, евреи даже радовались, что дети их усвоят самое лучшее образование. Они видели в этом успокоительный залог, что такое образование уже не может остаться втуне. Верили в это несомненно, да и нельзя было не верить, ибо тогда в тех органах печати, которые считались особенно компетентными по учебным вопросам, прямо и неуклонно указывали, что стране нужны люди классически образованные и что таким людям по преимуществу желают верить самые важные служебные должности. Евреи проходили факультеты юридический, математический и историко-филологический, и везде они оказали успехи, иногда весьма выдающиеся. До сих пор можно видеть несколько евреев на государственной службе в высших учреждениях и достаточное число очень способных адвокатов и учителей. Никто из них себя и своего племени ничем из ряда вон унизительным не обесславил. Напротив, в числе судимых или достойных суда за хищение, составляющее, по выражению Св. Синода, болезнь нашего века, не находится ни одного служащего еврея. Есть у нас евреи и профессора, из коих иные крестились в христианство в довольно позднем возрасте, но всем

своим духом и симпатиями принадлежавшие родному им и воспитавшему их еврейству, и эти тоже стоят нравственно не ниже людей христианской культуры...

Казалось бы, все это стоило доброго внимания со стороны русских, но вместо того евреи в образованных еврейских профессиях снова показались столь же или еще более опасными, как и в шинке! Повторяем — евреев не было в числе достопримечательных служебных хищников, — они не попадались в измене; откуда же к ним пришла эта напасть, извратившая все их расчеты на права образования? В так называемой образованной среде нашлись люди, которые в появлении евреев на службе увидели то самое, что орловские «кулаки» заметили на подвозных трактах к своим рынкам. Еврей учился прилежно, знал, что касалось его предмета, жил не сибаритски и, вникая во всякое дело, обнаруживал способность взять его в руки и «эксплоатировать», т.е. получить с него возможно большую долю нравственной или денежной пользы, которую всякое дело должно принести делателю и без которой собственно ничто не должно делаться в большом хозяйстве государства.

Эта способность «эксплоатировать» в мертве лежащие или уходящие из рук статьи подействовала самым неприятным образом на все, что неблагосклонно относится к конкуренции, и исторгла крик негодования из завистливой гортани. Слово «эксплоатация» заменило в новом времени слова времени николаевского: «изолированность» и «ассимиляция». То, чего желал император Николай, по мнению политиков нового времени, выходило вредно. Выходило, что никакой «ассимиляции» не надо, и пусть жид будет по-прежнему как можно более «изолирован», пусть он дохнет в определенной черте и даже, получив высшее образование, бьется в обидных ограничениях, которых чем более, тем лучше. Лучше — это, конечно, для одних людей, желающих как можно менее трудиться и жить барственно, не боясь, что за дело может взяться другой «эксплоататор».

VIII

Слово «эксплоатация» получило в России не то значение, какое оно имеет повсюду и какое ему присвояется в политико-экономических словарях. Оно стало у нас синонимом, выражающим способность на разбойные дела, чинимые так, что их нельзя изловить. Это оригинально, но нелепо.

Обвинение евреев в эксплоатации более всего сводилось и сводится к распойному делу, на что указывает св. Кирилл Белозерский, т.е. что «люди ся пропивают, и души гибнут»... Евреи распоили исконных «питухов»... Удивительное дело! Но при этом никто никогда не напоминал, что так было на Руси еще до нашествия евреев. Нет, все беды и все несчастия малорусского племени тоже снесли на счет евреям и настаивали на этом в полном забытьи разума, истории и справедливости.

Подбирая и систематизируя эти усердствования, по ним одним когда-нибудь строгий и справедливый ум сурово осудит порядок идей нашего времени, но и это напоминание не поможет по пословице: «apres nous le deluge».

Упованием евреев действительно опять остается один Егова, — один Он, обещавший через Иеремию «не отвергать рода Израилева от всех».

Евреи не зовут отмщения Немезиды, они заодно с христианами верят, что «Бог поруган не бывает» (Гал. 6, 7), а в том, что делалось в последние годы над еврейством, есть прямое поругание самых священных чувств, возжженных в сердце человека, «эллина же яко иудея». Во время разграбления евреев в Нежине и Балте было указано, что евреи в некоторых случаях «могли бы дать отпор, но не дали его», — русская газета заметила: «еще бы!», т.е. «*еще бы*» евреи посмели защищаться! — хотя, однако, защищать себя от нападающего насильника дозволяется и не вменяется в преступление.

Но, может быть, если нельзя защищать себя от побоев, а свое имущество от разграбления, то можно защищать мать, жену или дочь, если их насилуют на глазах их отцов и мужей? Но оказывается, что — тоже нет! И в этом еврей не должен сметь воспротивиться силою произволу христиан, бесчестящих еврейскую женщину...

К стыду русской печати, был случай, что одна распространенная газета, воспроизводя доказанное известие об изнасиловании буянами вместе с полицейскими солдатами двух еврейских женщин и одной девушки, нашла даже цинические шутки для смягчения события и одобрила, что евреи выдержали и это...

Вести себя так, чтобы шутить по поводу таких злодейств, значит — ругаться сердцу человека.

Указываемый нами возмутительный цинизм не оставался без отражения в народной массе: буйная чернь производила последние свои бесчинства над евреями в Ростове в те самые дни, когда коленопреклоненная Москва пред лицом представителей всех европейских держав молилась Всевидящему о благополучии всех людей, над коими помазан царствовать наш нынешний император!..

И были ли это последние дни бесчинства?

Конец ли на этом?

Не будем напрасно и вопрошать о том, но что никто, надеемся, не может дать достоверного ответа, пока положение евреев стоит в нынешней неясности. Но тени на еврейском горизонте сгущаются: говорить о их деле с беспристрастием стало уже не только неудобно, но даже и небезопасно. Защиту евреев в «Московских Ведомостях» г. Каткова представляют нечистою со стороны бескорыстия этого журналиста; о Стасюлевиче прямо напечатано, что у него «жиды взяли пай», а третьему журналисту, Л.Полонскому, за слово в пользу евреев тоже печатно указано, будто он когда-то распространял польские прокламации.

Кто поручится, что завтра человек, имеющий не злое мнение о евреях, не будет таким же образом заподозреваем в секретном изготовлении фальшивых денег или динамита? Раздражение этим долго тянущимся вопросом дошло до того, что людям, несогласным с жидотрепателями, остается выбирать только между необходимостью умолкнуть или же подвергаться таким инсинуациям, которые само правительство может быть поставлено в необходимость не оставлять без последствий. Даже и автор этого труда стяжал себе за свои идеи укоризны. Он мог ожидать встретить деловые поправки и указания, но их не последовало, а явились только сомнения и намеки насчет его способности знать дела и уметь излагать свои мнения.

Автор очень благодарен этим господам за снисхождение, с которым они не бросают, по крайней мере, теней на его денежную честность и политическую благонадежность, и, пользуясь такими преимуществами, он позволял себе еще раз попытаться изложить, что ему известно о евреях в надежде, что это не будет излишним для суждения об их деле.

Третья, вслед за сим идущая, часть этой записки представит бытовую действительность еврейской жизни, какова она есть, если ее рассматривать без предубеждения и с верною меркою.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

В противоположность тому, что часто говорят о евреях, они далеки всякой мысли кичливо присвоить своему племени какие бы то ни было особенные преимущества и гордиться перед народами, среди коих воле Провидения угодно было их рассеять. Напрасно некоторые из современных писателей стараются выводить такое кичение из некоторых мест мало известной им Библии или из частных случаев средних веков или новейшего времени. Неоспоримо, что соответственные места могут быть указаны в книгах библейских и в Талмуде; бесспорно и то, что в жизни встречались и вперед могут встречаться среди евреев люди заносчивые и склонные ставить свое происхождение от благословенных Богом праотцев выше доблестей ума и сердца, которые одни имеют цену перед Богом и разумом людей просвещенных. Если обратиться к истории веков, то увидим такое кичение повсюду. Знаменитый проповедник четвертого крестового похода Фулько Нельи (XIII в.) представляет, до чего доходила кичливость народов друг перед другом: «Англичан называли пьяницами и шутами, французов гордецами, немцев скотами, норманцев самохвалами, римлян мятежниками, и это возбудило ненависть и повсеместные ссоры». И все эти люди были христиане и кичились друг перед другом, оскорбляя один другого совершенными пустяками.

То же самое, что выражали в XIII в. таким образом жители Пуату, Фландрии, или Брабанта, выражали позже владимирцы против новгородцев и еще поныне выражают великороссы против малороссов. Кичение происхождением о семени Авраамова во времена древние было гораздо понятнее, и если это в известной доле есть у евреев до сих пор, то это держится исключительно среди людей малопросвещенных. Некоторые из русских писателей (напр., Всев. Крестовский) называют это своего рода *аристократизмом*, но, как нам кажется, такой аристократизм не должен вызывать ни сурового порицания, ни даже презрительной улыбки. Полунищий или совсем

нищий смрадный еврей, одетый в лохмотья и таскающий за ничтожное вознаграждение на своей согбенной спине тяжести, далеко превышающие вес и силы его изнеможденного неустанным трудом тела, и в то же время мечтающий о каком-то своем племенном аристократизме, представляет собою саркастическому уму нечто несообразное, смешное и глупое... может быть, даже дерзкое. Это и действительно так, но только с первого взгляда, который, однако, непременно изменится, если рассуждающий о таковом самомнении человек даст себе труд всмотреться и понять этот «смешной аристократизм».

Прежде всего совершенно ошибочно говорить, будто еврей *мечтает* о своем племенном аристократизме. Мечтать вообще не в природе еврея. Из всех наиболее вознесенных, как и наиболее униженных судьбою, народов мира еврей менее всех склонен к мечтательности. Он по преимуществу рационалист и чтит в жизни реальное, действительное. Сознание превосходства своего племени, исходящее их уст самих евреев, может давать острословам повод к ироническим обобщениям, но мы имеем в виду говорить слуху людей, ищущих правды и истины, а не острословия, которое не всегда живет в согласии с рассудком и совестью, а весьма часто находится даже в прямом к ним противоречии.

Еврей *не мечтает* о своем племенном аристократизме, а он в нем *уверен*, и он не подлежит за это осуждению. Здесь может иметь место только снисхождение, какое истинный ум может и должен выразить пониманию несовершенному. Еврей *верит* в свое особое *избранничество*, потому что об этом избранничестве он встречает упоминание в Библии, которую он признает за слово Божественного откровения, а там сказано, что «евреи — род избранный» и «народ Божий». Поколику велика вера еврея в божественность книг Ветхого Завета, — потолику крепка и глубока его уверенность в непреложной святости и реальной действительности каждого сказанного там слова. «Вы дети избрания», «вы народ Мой» (по преимуществу) — это для еврея не мечта, а действительность, и притом действительность самая непререкаемая, ибо она ему удостоверена Богом и запечатлена в книгах, которые христиане наравне с еврейством признают священными.

Ошибка евреев малого образования заключается в том, что они принимают сказанные места Библии буквально и по своему умственному неразвитию не умеют понимать их, как следует по духу Писания. Избранничество в удел «чад Божиих», всеконечно, изречено «не крови и плоти, которые царства Божия не наследуют» — а

бессмертному духу, наследующему вечность. Это разъяснено в других местах Библии, которых мы не цитируем и не обозначаем, потому что не находим нужным пестрить нашу записку ссылками, имеющими место в специальном религиозном трактате. Притом же, указывая на книгу, которая пользуется у христиан такою же известностью и авторитетом, как и у евреев, мы находим эти обозначения и бесполезными.

Другой вопрос, почему евреи упускают места разъяснительные и твердо держатся общих мест об избранничестве своею племени, — но это весьма понятно и не составляет исключительного явления, свойственного будто только одному народу еврейскому. То же самое мы встречаем повсюду, — не только в низших религиях, но и в высших: в магометанстве, в буддизме и, наконец, даже в самом христианстве, и при этом в последнем более, чем в двух первых. Последователи каждой из этих религий считают себя наследниками избранных обетований по преимуществу. Причина этого весьма очевидна: чем выше и совершеннее религиозное учение, тем труднее простому и малопросвещенному уму улавливать высшие кульминационные точки религиозной философемы основателей этих религий. Простой ум ухватывается за то, что резче и проще, и притом более отвечает его примитивным понятиям о соотношениях между Богом и человеком. Что такое «еврей по духу» — это требует большой силы мышления и самоуглубления, между тем как племенное родство с Авраамом — это просто и совершенно доступно уму каждого. А между тем обетования наследия счастия по одному праву родства, понимаемого в земном смысле, совершенно отвечают представлению простого ума, для которого нет ничего естественнее, как усвоять все по-земному и этого только и держаться. Ошибки этого рода не чужды и христианам, а потому немало не удивительно, что еврей и не-еврей при тесной ограниченности мышления одинаково способны убежденно верить в свое избранничество.

II

В отношении христианства евреи держат себя почтительно, и к этому их побуждают не только политическая их зависимость от христианских правительств и деликатность по отношению к вере народов, среди которых они живут, но и чувства более независимого регистра.

Различаясь в ипостасных и некоторых других догматических верованиях с христианами, евреи, постигающие свое собственное религиозное учение в его библейской высоте, конечно, никогда не

желают забывать, что основатель христианства считал своим долгом своего сыновства Богу «соблюсти закон», писанный в священных книгах еврейских. Христос чтил ветхозаветных праотцев и пророков, — Он не хотел «переломить трости надломленной и угасить курящегося льна». Библейски просвещенный еврей знает, что евреи и христиане близки друг к другу по чувству богопочитания, разлитому в разных руслах, но из одного источника. Религиозно просвещенный еврей так и мыслит, а еврей непросвещенный, который не объемлет духа учения в своем уме, не может быть судим, ибо он *не знает* ни истории, ни сущности религий, как не знает этого и христианин из простонародья. Но обвинять в этом как одного, так и другого было бы недостойною просвещенного ума несправедливостью.

Умственная тьма есть печальное право на снисхождение просвещенного и богопочтительного ума.

Евреи чтут христианство не только за страх, как религию народов, среди которых они живут и властям коих повинуются, но и за совесть, как религию, в духе которой по мысли ее Основателя возможно благоуспешное развитие всякого добра и совершенства. Это почтение, искренности которого, надеемся, не затруднится поверить всякий истинно просвещенный человек, знакомый с философским взглядом евреев и способный понимать единство богопочитающего разума, дает нам смелость, ничем не рискуя, перенестись от сознанных нами заблуждений еврейского самомнения к таким же свойствам в среде христиан соответственно невысокого умственного образования.

Бесспорно, что груба и достойна осуждения ошибка человека еврейского происхождения, который убежден, будто ему уготовано место на лоне Авраама только за то, что он состоит в племенном родстве с этим праотцем по крови и исполняет древние религиозные обряды. Это осуждал боговдохновенный Исаия и другие пророки, бичевавшие своим огненным словом племенную кичливость ветхозаветных евреев горячее, чем делали это Фулько во Франции и Максим Грек или святой Дмитрий Ростовский в России. Кичливость происхождением осуждал Иисус Христос, и то же самое осуждают те из новейших еврейских раввинов, благочестие и набожность которых находятся в счастливом согласии с истинным просвещением ума. Мы их не назовем и не станем утверждать, что их очень много, но несомненно, что они есть, и имена их весьма известны в Западной Европе и даже у нас в России. У нас их, конечно, менее, потому что наши евреи теперь богословски менее образованы, чем евреи стран, где они давно допущены к свету науки, но и у нас (преимущественно

в Литве) тоже есть раввины светлого взгляда, а новые секты в еврействе, стремящиеся выбиться из-под давления Талмуда и усвоить один чистый библизм, свидетельствуют, что и у наших евреев богословская мысль не лежит в окоченении, как было в течение многих веков. И мы в этом видим залог счастливый для будущего, если только ничто не остановит этого весьма благоприятного явления. Чтобы оценить дух упомянутого религиозного веяния, довольно сказать, что оно ставит «обрезание сердца» действительнее обрядового обрезания, как учил Иисус Христос. Следовательно, это не противно совести просвещенного еврея, так же, как не противно совести просвещенного христианина здравое толкование, что «крещение духом» и «облечение во Христа» делами доброй воли есть истинное обращение ко Христу. Но так ли смотрит на это православный простолюдин, принявший крещение в той же самой купели и помазанный одним и тем же миром, как и христианин просвещенный? Без сомнения, у образованного и необразованного человека разница в понимании этих важных вещей существует огромная. Для крещенного простеца водное крещение есть право на превосходство, которым он возносится над некрещеным не менее, как обрезанный еврей над необрезанным иноплеменником, а просвещенный духом Христовым человек ничем не возносится. В этом отношении евреи и не-евреи одинаковы, и необразованные люди из тех и других равно стоят на пути заблуждения, — на пути чуждом истинному духу их высоких религий; тот и другой — они равно оскорбляют своим горделивством идеи всечеловеческого братства по сыновству своему единому Богу.

Но если евреи и не-евреи во всем этом равны и потому равно достойны сожаления, то не достойно ли внимания и удивления, что столь очевидное сходство и равенство явлений пользуется совершенно различною оценкою? Справедливость, которою укрепляются царства и народы и торжества которой жаждет каждая благочестивая душа, здесь вдруг утрачивает свою светлость и уступает место несправедливости. Слепое кичение еврейского невежды в законе вменяется в вину всему еврейскому племени, а то же самое в соответственном человеке христианской веры даже не ставится в счет. О таковом со всяким снисхождением и теплотою говорят, что он *тверд в вере.*

Евреи, конечно, иногда ищут скрывать пороки грехи, унаследованные людьми их племени от их тяжелого исторического прошлого. Им, разумеется, это не легко, ибо порочные склонности их, по выражению русской пословицы, «видны, как еврейский нос на

лице», но умнейшие из евреев нынче уже и не прибегают к изворотам, которые были в ходу прежде. Рассудительные из евреев знают, что такие извороты бесполезны, и они открыли бы только недружелюбным к ним лицам повод укорять всех евреев в неискренности. Поэтому и мы поставили вначале всего самое генеральное обвинение, какое ставят евреям многие народы и в том числе русские (например, роман Всев. Крестовского: «Жид идет»), т.е. «жидовское религиозное самомнение». Оно есть, но только вовсе не такое, как его описывают, и во всяком случае оно нимало не более самомнения крещеных простолюдинов над некрещеными. Как там, так и тут самомнение это держится на узости религиозного понимания и, без сомнения, в глазах просвещенных людей может встретить только совершенно одинаковую оценку.

Средство против этого самомнения везде одно и то же: это истинное просвещение, расширяющее взгляд до способности совершеннее постигать духовный смысл религий.

Переходим к другим нравственным свойствам современных евреев и не-евреев.

III

Нравственность одна или не одна, это оставим доказывать ученым в специальных трактатах, а сами для измерения уровня нравственности христиан и евреев воспользуемся тем общим масштабом, который приложим к ним обоим одинаково.

Для христиан и евреев есть одна строго и гениально начертанная линия, равно обязательная для тех и других. Все, что равняется по этой линии, есть безгрешно, безвинно и неосудительно. Это называют рядовою или урядовою нравственностью. Все, что держится ниже этой линии, находится в падении. Тут слабости, проступки и преступления, которые, смотря по глубине падения, унижают в человеке «образ и подобие Божие» более или менее. На самой наибольшей глубине этой бездны образ Божий совсем изменяется и темнеет. В этом положении вера христиан и евреев видит «противника Божия» — сатану. Он «исконный клеветник», который «во истине не стоит».

Вверх над чертою рядовой нравственности начинается безграничная область возвышенного и святого. Здесь царство любви, правды и милосердия. Область эта безграничнее области падения, и подъем на нее труден. Священная поэзия народов в безвестной выси этого пространства без границ чертит всевидящее око. Все, что выше

нормальной черты нравственности, есть возношение душ, способных парить над миром и стать превыше мира и страстей. Высоты возможного в эту область подъема мы не знаем пределов, ибо путь туда, по прекрасному выражению поэта гр. Ал. Толстого, «как вечность, без конца».

Общество самое нравственное и образованное имеет право требовать от человека только ненарушения той черты, ниже которой начинается безнравственность. За эти уклонения общество судит людей и наказывает виновных. Насколько оно достигает в этом цели, это другой вопрос. Пушкин указывал слои общества, где вовсе «не карают преступлений, но тайны требуют для них». Однако все-таки о нравственности людей судят только по этой линии.

Зигзаги, которые образуют человеческое уклонение линии нравственности, чрезвычайно разнообразны, но самая линия начертана ясно и с поражающею прямизною. Чертеж этот мы имеем в десяти заповедях, данных на Синае чрез Моисея. По ним доселе судится человек и по ним же будет судим до века. Это относится равно как до христиан, так и до евреев.

Проведем же по этой линии нашего еврея, каким он есть в эту минуту, когда мы им занимаемся, и поведем его не разутого, а в тех самых сапогах, в которых он бегает по торжищам, обделывая свои грошевые гешефты. Он недостоин подойти в этой обуви к купине, пылавшей на Хориве, но помянем сами, «яко персть есьмы», и будем к нему терпеливы.

IV

Первая заповедь, или, евреи говорят, «приказание Божие», не велит еврею иметь иного Бога, кроме Еговы, и еврей этого держится.

Вторая запрещает иметь кумир и всякое подобие, еврей опять и это исполняет неустрашимо. У него, как и у других темных людей, есть свои суеверные обожания, но число их значительно менее, чем у христиан, и значение их несравненно скромнее.

Говорят, «кумир еврея — злато». Не станем спорить, что в известной доле это справедливо: еврей любит деньги. Но попросим указать нам, кто денег не любит и у каких культурных народов для приобретения их люди не допускают мер унизительных и бесславных? Злато есть кумир, но кумир не исключительно еврейский, а всеобщий.

Третья заповедь говорит о божбе, о клятве, о призвании имени Божия всуе. Да, мелкий еврейский торгаш, конечно, нередко приемлет всуе имя Божие, и случается, что он клянется ложно на суде под

присягой. Это очень дурно, но самая частая божба, изумлявшая своим кощунством иностранцев, была замечена писателями, посещавшими встарь Россию, не в еврейских, а в русских людях, среди которых сложилась ужасная пословица: «не побожиться -- не обмануть, а не обмануть — не продать». Прошли столетия, давно уже сотлел прах этих божебщиков, приводивших в ужас именитых иностранцев, а кощунственная пословица жива, и, что хуже, жив и обычай, ею выражаемый.

У евреев обмана много, но такой извиняющей пословицы у них нет, и это, может быть, свидетельствует, что нравственность евреев хотя обходится с подобным делом и нечисто, но она, по крайней мере, не сочиняет себе цинического оправдания, как это введено у соседей.

Родителей своих (5-я заповедь) евреи почитают не хуже, чем прочие, а может быть, даже и несколько лучше. По крайней мере, известно, что жалобы на детскую непочтительность в еврействе составляют необычайную редкость, меж тем как у христиан, особенно у православных, это, к несчастию, явление весьма нередкое. Известно, что в наших деревнях, особенно в хлебородной полосе, крестьяне не считают за бесчестье и стыд посылать своих стариков «побираться».

«Есть дети, да выгнали меня», — это ответ, который весьма нередко услышите от сельского нищего, но никогда ничего подобного не увидите у евреев.

Убийство (6-я заповедь) в еврействе во всяком случае реже, чем у всех других людей. Еврей не любит пролития крови и чувствует к ней отвращение даже в жарком или бифштексе. Люди, не знающие еврейской истории, обыкновенно думают, что боязнь крови у евреев происходит от «трусости», но кто читал Флавия, тот знает, что племя еврейское способно давать людей, и не робких, а даже очень мужественных и отважных, но пролитие крови еврею все-таки противно, и если бы все это знали, то пошлая книжка об употреблении евреями христианской крови была бы встречена только со смехом, а не с доверием. О прелюбодеянии (7-я заповедь) известно, что евреи очень семьянисты, и одна черта благословенного многочадия показывает их верность брачному ложу. Женатый еврей не видит нужды искать того за домом, что у него есть дома и принадлежит ему не только по праву, но даже составляет его священную супружескую обязанность. Притом еврей не эстетик и менее других падок на красоту. Отыскивая в известном акте только то, что в нем есть существенного, еврей не блазнится призраком роскошных очерта-

ний, а берет дело просто, и потому он чаще других верный муж. Ему даже не трудно сохранить верность жене, ибо если они станут друг другу противны, то закон их не воспрепятствует им развестись и освятить свое ложе новою любовью.

Уклонения, конечно, и здесь возможны; но только они без сравнения реже, чем у православных и католиков с их браком, нерасторжимым без лжи, клятвопреступлений и огромных расходов, если последних не заменяют огромные протекции. Если брачные нарушения в еврействе и случаются, то только как редкое явление и то не в простонародьи, а в более достаточных классах, где имеют более досугов и других средств удовлетворять похотям своего сибаритства.

Воровство (8-я заповедь) свойственно евреям и не-евреям, допустим, хотя даже одинаково, но не в превосходящей других мере. Русское воровство исстари славилось. Есть целые города, жители которых пользуются репутациею «первых воров». «Орел да Кромы — первые воры, а Карачев на придачу». Московский летописец жаловался, что там от воров житья нет. И мастерство это не оскудело на Руси и поныне, выражаясь в низших слоях общества простыми кражами, а в высших более или менее смелыми и ловкими хищениями. На это есть указания в послании Св. Синода, а поэт гр. А.Толстой представляет Россию в таком положении, что она «испилась, искралася, вся изворовалася».

Во всяком случае корить кого бы то ни было воровством со стороны русских будет нескромностью, в ответ на которую им могут ответить: «врачу, исцелися сам».

Лжесвидетельство (9-я заповедь) — старый порок, способный служить темою любопытного вопроса: преступление породило закон, или закон создал преступление. Со лжесвидетелями встречались суды всего мира и держали себя по отношению к лжесвидетелям неодинаково: они то их преследовали, то в другое время и при других обстоятельствах беззастенчиво пользовались услугами лжесвидетелей. Еврейский народ тоже поставлял лжесвидетелей как в свои национальные судилища, так и в суды народов, среди которых разлилось еврейское племя после утраты своей государственной самостоятельности. О лжесвидетелях упоминается в книгах Ветхого Завета и в Евангелии на суде Иисуса Христа «приступиша два лжесвидетеля». Лжесвидетель делает правого виноватым, виновного — правым, это человек худший, чем откровенный разбойник, это лицо презренное и сугубо вредное. Но есть ли в мире страна, которая не отмечала бы точно таких же явлений в своей собственной

народности? Драматических и даже трагических событий, основанных на ложном свидетельстве, можно указать ряд чрезвычайно длинный. История богата ими не менее вымысла. Русский «Шемякин суд» и суды позднейшего времени преизобиловали лжесвидетелями, показывавшими всякие неправды «ради посулов и корысти». Перед Грозным бояре, «забыв Бога, обносили друг друга всякой клеветой». XII посмертный том «Истории русской церкви» митрополита Макария показывает, что высшее придворное московское духовенство «не уставало лжесвидетельствовать на Никона». Человек великой, правдивой и бесстрашной души, митрополит Филипп Колычев, был оклеветан соловецкими иноками, — старцами, приехавшими в Москву прямо с тем, чтобы лжесвидетельствовать на митрополита, — и лжесвидетельствовали эти старцы на Филиппа такие бесстыдия, что трость летописца даже постыдилась передать их клеветы потомству. «Розыскные дела» в собраниях Г.В.Есипова испещрены лжесвидетельствами. Но что во всех этих явлениях бросается в глаза, — это одна черта, остановившая внимание христианского апостола: не отличишь: преступление ли порождает закон, или закон вызывает преступление? Видно, что лжесвидетельство усиливается тогда, когда на него усиливается спрос и когда судьи обнаруживают большую степень удобоприемлемости заведомо ложных показаний. В ряду явлений сего рода по русской практике мы можем указать два, из коих одно падает на долю евреев, а другое на часть христиан

V

В немного отдаленное от нас время (о котором мы выше упоминали), т.е. когда до воцарения императора Александра II у евреев брали в рекруты малолетних детей (от 12-летнего возраста), между общинными или кагальными старшинами, с одной стороны, и родителями детей, с другой стороны, шла ожесточенная борьба. В интересе сдатчиков было доказывать, что изловленные и представляемые ими еврейские малютки имеют уже в данное время требуемый законом двенадцатилетний возраст; а в интересе родителей было доказать противоположное. Закон принимал в доказательство того и другого «присяжное» показание «добросовестных евреев». Соблазн был велик, и земля, предоставленная русским правительством для жительства евреев, покрылась лжесвидетелями, которые давали ложно всякое любое показание какое кому нужно. Бывали очень нередкие случаи, что одни и те же «добросовестные евреи» свидетель-

ствовали раз для общины, что известному ребенку уже минуло двенадцать лет, а потом они же самые по найму родителей ребенка присягали, что дитяти идет восьмой или девятый год. Представляло это картину безобразную и растлевающую, о которой однажды посланный в Киевскую губернию кавалерийский полковник Ардалион Николаевич Новосильцев докладывал в своем отчете государю императору. Но как только отменился ужасный закон отторжения детей от родителей, так и лжесвидетельство, как профессиональная формула в еврейском обществе, сейчас же исчезло. Значит, прекратился запрос, сейчас же не стало и предложения.

Но вот прошло четверть столетия, и постыдная профессия лжесвидетельства с ожесточением появляется снова, но только теперь уже не среди евреев, а среди христиан, и притом не в какой-нибудь одной определенной местности, а по всему лицу земли русской. Мы разумеем очевидцев акта нарушения супружеской верности, показания которых составляют прецедент к разводу ищущим расторжения брака супругам православного исповедания.

Появился опять запрос, и он тотчас вызывает точно такое же постыдное предложение. Лжесвидетельство у приходящих в православные консистории наблюдателей акта совокупления супругов с несоответствующими лицами сделалось повсеместным и притом крайне бесцеремонным. Оно даже поставлено ныне на правильно организованную коммерческую ногу, — имеет известных антрепренеров, нанимающих достоверных лжесвидетелей «и официальных сплетников», которые будто невзначай доводят до сведения оскорбленного якобы супруга о том, что случилось. Никто не может сказать, чтобы это было иначе, и всякий знает, что этому нельзя быть иначе, ибо никто не обращается с своими ласками к женщине так, чтобы другие видели его с нею «в самом акте», но, тем не менее, все, кому нужно, обращаются к этой преступной комедии, закрепляемой страшною ложною клятвою именем всемогущего Бога.

Двадцать пять лет прогрессивной жизни и некоторое оживление христианской мысли, происшедшее в это время и у нас, и в Европе, не помешали развить христианам такое усиленное лжесвидетельство, перед которым бледнеют картины лжесвидетельств еврейских ради спасения детей.

Современный русский сатирик назвал нынешних «очевидцев акта» «сословием достоверных лжесвидетелей», и прививчивость этой клички лучше всего свидетельствует, как она верна и сколь заслужена.

Но между лжесвидетелями из христиан и евреев есть и разница. Лжесвидетельствоваший еврей, без сомнения, превзойдет в своей старой профессии не-еврея. Евреи развели у себя торг клятвой ради спасения малолетних детей, к чему их побуждала скорбь, вопиющая к небу, ибо «Рахиль рыдала о чадах своих и не хотела утешиться, ибо не суть», а в делах лжесвидетельства развода брачного у православных мотив совершенно иной: он может быть тоже страстен, но не столь «вопиющ к небу». Напротив, мотив к разводу, иногда весьма важный, нередко поддерживается капризом чувственности или дурно дисциплинированного характера и прихотливого темперамента и варьируется «между барскою спесью и анютиными глазками». А это, без сомнения, менее уважительно, чем родительское желание спасти от чужих рук своего ребенка.

Положение, вызвавшее в заметной мере лжесвидетельство у евреев, несравненно трагичнее того, которое создало подобную же профессию и «сословие достоверных лжесвидетелей» у православных. Притом евреи все-таки сохраняли в этом извороте некоторую скромность, а у людей русского происхождения упоминаемой дело дошло до такой скандалезной откровенности, что лжесвидетельствовать о наблюдении, как два человеческих существа совокуплялись, теперь начали являться даже женщины или, лучше сказать, дамы.

Тут что-нибудь одно: или в таких свидетельницах совсем пропал женский стыд, или лжесвидетельство стало в России самым обыкновенным делом даже для женщин.

У жидов до этого еще не доходило.

В заключение не излишним кажется отметить ту разницу, что у евреев все дело лжесвидетельства производилось между чернью (мещанами), а у русских разводятся на сказанном основании люди образованных классов, а чернь только привлекается к наемному лжесвидетельству. Таким образом здесь высший слой общества оказывает растлевающее влияние на людей слоя низшего. Это хуже всего, что мы знаем о лжесвидетельстве. По духу учения Евангельского, «кому больше дано, с того больше должно быть и взыскано».

VI

Посвятив много 9-й заповеди, мы будем кратки с последнею, десятою, которою воспрещается желать чего бы то ни было чужого — «дому ближнего, села его, вола и всякого скота и всего елико суть ближнего твоего». Существование целой юрисдикции, ведающей гражданские иски, ясно указывает, сколь обще людям всех вер

«желание» получить в свою собственность что-либо принадлежащее ближнему. Все повинны этому греху, и русские тоже. Самый возвышенный в своих помыслах поэт русский Пушкин, не счел себя совершенно свободным от этого греха. В поэтической перефразе этой заповеди о неприкосновенности «всего елико суть ближнего» Пушкин говорит: «Не надо мне его вола», и действительно, — вола, которого ему «не надо», Пушкин отнимать у ближнего не хочет, но если есть «подруга», которая «мила, как ангел во плоти»... тогда «о Боже праведный, прости!» — поэт сознается, что он воспользуется ее милостью... Его не стесняло, что потеря милой подруги будет для ближнего, конечно, тяжелее потери вола.

Еврейские экстасты и поэты в этом случае были скромнее: их Суламита сама «стережет свой виноград» и сама снимает свои «одежды легкотканные» перед тем, к кому «влекли ее желанья знойные». Нафан приходит обличать самого царя Давида за соблазн чужой жены, и царь надевает рубище и посыпает голову пеплом. Таков жидовский дух. Игривая поэтическая шутка русского поэта, столь легко извиняющая соблазн чужой жены, показалась бы преступною в глазах религиозного еврея. Но у нас, русских, это, к сожалению, даже не ставится в грех, а считается молодечеством и нередко составляет своего рода признак хорошего тона.

В изложенном мы показали, как представляется нравственность евреев на заповедной черте, разграничивающей безнравственность от доблестей духа, переходящих в область героического и святого. По нашему мнению, нивелировка, которую мы могли произвести по заповедной линии, не дает никаких оснований утверждать, чтобы евреи были уже не-евреев.

Теперь посмотрим на то, что можно видеть в области чувств высших.

VII

Точные определения высшей нравственности гораздо более трудны, чем указания, сделанные по заповедной линии и под нею. Героическое часто зависит от случая, а святое и доброе по природе своей всегда скромно и таится от похвал и шума.

Старая хроника Флавия и самая история осады Иерусалима Титом довольно свидетельствуют, что духу евреев не чужды героизм и отвага, доходившие до изумительного бесстрашия; но там евреи бились за свою государственную независимость. Ныне не в меру строгие суды еврейства часто требуют, чтобы евреи обнаруживали то

же самое самоотвержение за интересы других стран, ими обитаемых, и притом без различия, — относятся ли эти страны к своим еврейским подданным, как матери, или мачехи, и иногда самые недобрые мачехи. Такое требование, разумеется, несправедливо, и оно никогда и никем не будет удовлетворяемо. Но все-таки евреи и в нынешнем своем положении не раз оказывали замечательную преданность государствам, которых они считают себя согражданами. Мы видели еврейских солдат в рядах французской армии в Крыму, и они вели себя там стойко и мужественно; при осаде Парижа прусскими войсками не мало еврейских имен сделались известными по преданности и патриотическому делу Франции, и литература и общество этой страны не только не отрицали заслуги евреев, но даже выставляли это на вид с удовольствием и с признательностью.

В Польше патриоты последнего восстания в своих заграничных органах долго не уставали хвалиться доблестным с их точки зрения поведением евреев в эту критическую пору для восставших. Поляки упоминали также и больших еврейских приношениях деньгами и о личном их участии в рядах повстанцев. А там при дезорганизации сил требовалось много самоотвержения и всегда было мало шансов на победы.

Мы, разумеется, не станем говорить о похвальности этого участия с русской точки зрения, но констатируем этот факт только как доказательство, что еврей способен и к высшей патриотической жертве в соучастии с иноплеменными людьми, среди коих он живет. Надо только, чтобы он не был ими обидно отталкиваем.

Мы думаем, что не иным чем оказался бы еврей и в России на стороне патриотизма русского, если бы последний в своих крайних проявлениях не страдал иногда тою обидною нетерпимостью, которая с одной стороны, оскорбительна для всякого иноплеменного подданного, а с другой — совершенно бесполезна и даже вредна в государстве.

До чего доходит подобная бестактность, видно из того, что когда недавно один из еврейских органов, выходящих в России, попробовал было представить ряд очерков, свидетельствующих о мужестве и верности долгу воинской чести русских солдат из евреев в русских войнах, то это встречено было насмешками. Что можно найти худого в том, что еврейская газета рассказывает что-то о евреях, которые на службе вели себя, как следует вести хорошему солдату? Дай Бог таких, а еврейской газете делает честь, что она напоминает евреям не худые, а хорошие примеры. Кажется, так? Но не тут-то было: воодушевительные примеры были русскою газетою осмеяны и оскорблены самым обидным подозрением.

Так людей не привлекают к себе и не исправляют их, а только отталкивают и портят еще более.

Подобным же образом встречается насмешками и многое другое со стороны те евреев, которые льнут к русским с своим дружелюбием и готовы слиться с ними как можно плотнее во всем. Таких евреев очень много, и кто их не знает.

Если же и есть евреи, которые не любят России, то это понятно: трудно пламенеть любовью к тем, кто тебя постоянно отталкивает. Трудно и служить такой стране, которая, призывая евреев к служению, уже вперед предрешает, что их служение бесполезно, а заслуги и самая смерть еврея на военном поле не стоят даже доброго слова. Не обидно ли, что когда русскому солдату напоминают пословицу, что «только плохой солдат не надеется быть генералом», то рядом с ним стоящему в строю солдату-еврею прибавляют: «а ты, брат, жид, — до тебя это не касается»...

И затем после такого военного красноречия ведут рядом в огонь битвы обнадеженного русского и обезнадеженного еврея...

Не знаешь, чему более удивляться: этой бестактности, или этой несправедливости, каких не позволяют себе люди нигде, кроме как в России.

По-настоящему все это не может вызвать ничего, кроме скрытой и затаенной, но непримиримой злобы... Однако подивимся: таких чувств нет у обиженных русских евреев. Пусть сегодня отнесется Россия к ним как мать, а не как мачеха, и они сегодня же готовы забыть все, что претерпели в своем тяжелом прошлом, и будут ей добрыми сынами.

VIII

Если считать за доблесть необязательные добровольные пожертвования на общественные дела воспитания и благотворения, то всем известно, что еврейские капиталисты в делах этого рода занимают в России не последнее место. Однако, по нашему мнению, гораздо большее значение имеет еврейская благотворительность в кругу самого же еврейства. В этом деле всего лучше можно сослаться на многочисленных врагов еврейства, которые всегда и неустанно повторяют одну песнь о том, как «жид жиду пропасть не дает» и «жид жида тянет».

Все это более или менее правда.

Почти невозможно указать другую национальность, где бы сочувствие своим было так велико и деятельно, как в еврействе. Враги евреев говорят: «у них это в крови, у них это в жилах». Да, это

совершенно справедливо, и мы можем на этот счет не желать и не разыскивать никаких других свидетельств. Но как вражда способна ослеплять людей и часто заставляет их говорить нелепости, то то же самое случилось и тут.

Недоброжелательные люди ставят в укоризну евреям, что их альтруизм ограничивается только средою людей их же племени и не распространяется в равной же мере на других. Один юдофобский орган в Германии недавно поставил казуистический пример: как бы поступил еврей, встретив на чужбине (в Лиссабоне) двух человек, нуждающихся в его помощи, из которых один был бы еврей, а другой не еврей, но только согражданин по государственному подданству. При чем нужды обоих этих евреев были таковы, что путешествующий еврей был в состоянии помочь только одному из них, а не обоим.

«Кого бы из них он выбрал?» — спрашивает юдофобский орган и тут же утвердительно решает, что еврей непременно предпочел бы помочь еврею же. Это с восторгом подхвачено известными русскими органами и повторено на множество ладов, как сильный аргумент против еврейского характера.

Странно слушать и самый этот пример, напоминающий детскую игру о перевозе в одной лодке волка, козы и капусты, но еще страннее внимать тем рацеям, которые разведены по этому поводу.

Во-первых, есть еврей и еврей, и в данном придуманном, частном случае справедливый ум не решился бы утвердительно высказать обобщающее заключение, как непременно поступит *каждый* еврей. Возможен, конечно, такой оборот, какой придумала фантазия немецкого публициста, но еще более возможен и иной. Например, еврейский путешественник мог уделить свое пособие более достойному участия. Но если бы оба требующие помощи и в этом отношении были выравнены до безразличия, что возможно только в сказках, то еврейский путешественник (олицетворяющий в себе в данном случае все еврейское племя) не поступил бы предосудительно, если бы он отдал предпочтение именно еврею. По крайней мере, так заставляет нас думать христианский авторитет апостола, указывавшего прежде заботиться «о присных по вере».

Так же надо судить с точки зрения русских патриотов, которые в своих воззрениях на народность, тем настойчивее требуют всяких предпочтений для одних русских. Да, они именно требуют не равноправия, а предпочтений. Такие претензии выражались и столь умными людьми, как покойный Ю.О.Самарин, и многими другими, не идущими с Самариным ни в какие сравнения. Все эти русские писатели требуют «предпочтений» русским за одно их русское

происхождение, и никто их за это не осуждает. Но еврею предосудительно любить и жалеть еврея. Почему?.. Или христианский апостол не дело говорил, внушая людям заботиться «о своих» прежде, чем о чужеверных?

Говоря об этом, чувствуешь, как будто ведешь речь с людьми, не ведающими ни писания, ни силы Божией, объединяющей людей единством веры, крови и языка.

Гневаться на это — все равно, что гневаться на Бога, перстом которого начертаны симпатии в сердцах человеческих.

Но отметим еще нечто иное.

IX

Личному эгоизму одного человека противопоставляется альтруизм. Высшее и совершеннейшее представление альтруизма основательно указывают в учении христианском, повелевающем «любить ближнего, *как самого себя*». Высота, едва достигаемая, но иногда даже превосходящая меру положенной грани: «умереть за людей», как умер Христос, по-видимому, значит перейти эту грань, — значит любить тех, за кого умираешь, *больше*, чем самого себя. Однако ученые изъяснители христианства ставили точное обозначение, при котором любовь к ближнему не должна совсем забывать о себе: так, например, никто из любви к ближнему не должен принести в жертву своего человеческого достоинства. Никто не в праве унизить себя усвоением чужих пороков. Евреи это давно знали и кое-что делали, чтобы остерегать своих от многого, что по их понятиям нехорошо у иноплеменников. Евреи, например, трудолюбивы, бережливы, чужды мотовства, празднолюбия, лености и пьянства, между тем всеми признано, что эти пороки очень сильно распространены среди многих народов иного племени. Евреи почти повсеместно стараются устранять свои семейства от этого рода соблазнов. Пьянице приятнее, чтобы с ним пили, игроку — чтобы с ним играли, блуднику — чтобы с ним шли к блуднице; но тешить таких людей податливостью не следует. Однако, к удивлению, такая-та именно осторожность вменяется евреям не в похвалу, а в порицание. Это самое и выставляют, как стимул обособленности и замкнутости еврейства. Из любви к народам, среди которых евреи живут, они должны усвоить все намеченные слабости их культурных привычек; но такое соревнование не оправдали бы ни христианская мораль, ни экономические выгоды самых народов, требующих такой к себе любви.

К такому альтруизму еврейство не стремится, как не стремилось ни к чему подобному христианство первых трех веков.

Но еврейство поставляет не мало личностей, склонных к высокому альтруизму, для осуществления идей которого известные лица еврейского происхождения жертвовали собою так же, как и христиане. Люди эти стремились и стремятся к своим целям различными путями, иногда законными, а иногда незаконными, что в последнее время стало очень часто и повсеместно. В первом роде нам известны евреи философы и гуманисты, прославившиеся как благородством своих идей, так и благочестием своей жизни, полной труда и лишений. Во втором, составляющем путь трагических, иногда даже бешеных порывов, ряды альтруистов еще не перечислены. Путь их чаще всего — путь ошибок, но ошибок, вытекающих не из эгоистических побуждений, а из стремлений горячего ума «доставить большее счастье возможно большему числу людей». Мы говорим теперь о евреях-социалистах. Деятельность их не оправдима с точки зрения разума, умудренного опытом, и преступима перед законами, но она истекает все-таки из побуждений альтруистических, а не эгоистических и мы ее только в этом смысле и ставим на вид. Кто так поступает, — тот не большой эгоист.

При этом еще надо добавить, что евреи сего последнего закала обрекают себя на верную погибель не ради своего еврейского племени, к которому они принадлежат по крови, а, как им думается, ради всего *человечества*, то есть в числе прочих и за людей тех стран, где не признавали и не хотят признать за евреями равных человеческих прав...

Больше этой жертвы трудно выдумать.

X

Что натура еврея совсем не лишена благородства, как о ней говорят, а, напротив, способна к самоотвержению, — мы видим тому и еще одно доказательство. Мы до сих пор всегда говорили о евреях, верующих в «библейского Бога» и хранящих связи с талмудическим учением. Их, конечно, и следует главным образом принимать в соображение, ибо таково все большинство евреев. Но не следует забывать, что между образованными евреями не мало и таких, для которых Сефир-Тола и Талмуд имеют только значение историческое. Между таковыми встречаются деисты, пантеисты (читатели философии Спинозы) и, наконец, даже просто атеисты. При совершенном равнодушии к вопросам веры таким людям, казалось бы, нет

ничего рассудительнее и выгоднее, как отречься от религии своего племени, которой они и без того фактически не содержат, и присоединиться к господствующей церкви, в ведомстве которой, по словам Хомякова, можно «состоять» чрезвычайно удобно и спокойно, пребывая в глубине своей души в «круглом неверии».Чего удобней? И между тем тогда сразу же для таких евреев пали бы все ограничения, стесняющие свободу их деятельности, и открылись бы пути ко всем христианским почестям. Однако, к удивлению всех расчетливых людей из христиан, ни во что не верующие евреи этого все-таки не делают. Проститутка и какой-нибудь проходимец скорее крестятся, чем еврей врач, артист или негоциант. Вообще число выкрестов из евреев весьма незначительно, и надо признаться, что приобретения, делаемые на этот счет христианством, отторгают от еврейства далеко не лучших людей, о которых бы скорбело еврейство.

Чему же следует приписать такую приверженность еврейской вере со стороны евреев, для которых религиозный культ Еговы утратил свое божественное значение?

Конечно, не чему иному, как благородному альтруистическому стремлению не оставлять свое униженное и часто жестоко страдающее племя, доколе оно страдает.

Других объяснений нет и быть не может. Так же ведут себя русские раскольники, окончившие курс в высших училищах. Конечно, они не верят в преимущество двуперстия, но... своих не бросают.

Это чувство напрасно бы стали считать упрямством, — оно скорее — просто известная нравственная опрятность, или, как иначе говорят, — порядочность. Смешно и жалко слушать из страха утратить благорасположение еврейской среды. Говорящие таким образом, очевидно, совсем лишены и начитанности, и живой наблюдательности, иначе они знали бы, как неблагосклонно относится еврейское общество к своим религиозным индифферентам и как часто оно само их жестоко преследует. Это мы можем видеть из участи «не омывающих рук», о которых есть упоминание в книгах Нового Завета, из печальной участи Спинозы и даже из IV тома свода русских законов, который выступал на защиту исключаемых из обществ и отдаваемых в рекруты за несоблюдение правил и обрядов.

Этим и закончим наши картины еврейской нравственности в настоящее время.

XI

Стараясь быть, сколько могли, беспристрастными в этом изображении совершенной действительности, мы показали, что еврей на заповедной черте нравственности опускается не ниже не-еврея; что

исключительность, заключающаяся в неусвоении некоторых свойств характера людей иноплеменных, — есть только *бережь* от усвоения привычек, вредных экономически и нравственно, и что, наконец, стремления эгоистические и альтруистические per fas et nefas присущи евреям по крайней мере в равной степени, как и другим народам, среди которых живут они, нередко отчуждаемые от равноправия с другими людьми этих народностей.

Говоря по совести, чистоту которой отрадно соблюсти для жизни и для смерти, мы не видим в нашей картине ничего, способного отклонять просвещенный и справедливый ум от того, чтобы не считать евреев хуже других людей.

Разумея и сами себя *не наихудшими* людьми в России, евреи, конечно, сильно чувствуют обиду в том, что они не пользуются равными со всеми правами, а терпят большие стеснения, но справедливое недовольство их не заключает в себе даже тени дерзостного ропота и не проявляет беспокойного протеста. Только само их униженное положение протестует за них пред миром всего человечества, и этот протест помимо всякого старания самих евреев находит отклик и сочувствие в сердцах добрых и просвещенных людей в Европе.

История о правах евреев идет у нас почти тем же путем, как шла история русских староверов, терпение которых удивляло иностранцев и стяжало почтение стойким характерам наших людей «древнего благочестия». Они наконец дождались льгот, значительно облегчивших их положение, по манифесту 15 мая 1883 года, и снова ждут полного уравнения со всеми остальными русскими людьми, принадлежащими к господствующей русской церкви. Они получили значительное расширение свободы и прав, но *еще ждут* большего... ожидания эти не секрет, — о них не двусмысленно, а ясно говорят русские газеты, и, говоря это, они ничего не преувеличивают, а только передают дело, как оно есть. Русские староверы и сектанты не полагают целью своих желаний в гражданском отношении достижение каких-либо отдельных особых прав, в хотят быть во всем равны другим русским подданным, православным, лютеранам или магометанам. Того же хотят и евреи, и с уверенностию можно сказать, что еврейский вопрос перестанет докучать правительству только тогда, когда оно решит его раз и навсегда именно в этом смысле. Евреи твердо уверены, что такое счастливое время непременно настанет для всякого, хотя бы он был «триста раз потомком Моисея Мендельсона». Еврей по происхождению, поэт Гейне (в «Атта Тролле») пророчествует, что «будет время», когда свершится многое, на наш взгляд невозможное:

И жиды, как все граждане,
Будут пользоваться правом,
Предоставленным им законом,
Наравне со всякой тварью.
Лишь одно: *плясать на рынках*
Запрещается евреям.

Медведь Тролль находил это необходимым, потому что плясать на рынках составляло его привилегию.

В этой шутке много ума и меткости, и мы ее приводим отнюдь не ради веселья. Медведь Тролль олицетворяет невежество и зависть, которую постоянно встречаем в людях, видящих в еврее соперника. Все говорят то, что говорит плясун-медведь, и это понятно. А отсюда бездна тенденциозной лжи, сквозь которую иногда только, как бы обмолвясь, сама скажется правда, и на сих днях она сказалась устами редактора «Руси» г. Аксакова (в июне 1883 года). Г. Аксаков огласил, что западный край наш переполнен теперь уже не евреями, а «прусскими немцами», и теперь каждый крестьянин на Волыни «скажет, что десять евреев он предпочитает одному колонисту» (немцу). Таким образом, значит, нашелся настоящий эксплоататор-землепашец, который один хуже десяти жидов.

Евреи, без сомнения, должны быть очень благодарны г. Аксакову за такое указание, тем более, что для немцев от этого никакого беспокойства не предвидится ни в нынешнее мирное время, ни в случае столкновений, когда все, имеющие причины считать себя обиженными русскими порядками поневоле окажутся не на русской стороне.

XII

Немалое препятствие к беспристрастному обсуждению еврейского вопроса составляет то, что тут дают много ненадлежащего значения конкурентам, которых тревожит всякий более живой и прилежный сосед. От них еврейство, конечно, никогда не добьется ничего, кроме старых нареканий. Широкие государственные или общественные точки зрения конкурентов торгового сословия нимало не занимают, раз их огорчает, зачем евреи не пашут, в другой им неприятно, зачем немцы хорошо пашут. То им досадно, что жид не крестится, то они ругаются крещеному еврею, ставя его ниже некрещеного. Так это все и идет, как самая докучная басня, которая для ленивых людей заменяет дело. Совершенно необходимо, чтобы

вопрос еврейский обсуждался не с точки зрения тех или других промышленных кружков или торговых фракций, где евреи всегда неминуемо встретят опасение за их прилежание, воздержанность и расторопность, а надо, чтобы еврейский вопрос решался непременно с точки зрения высших государственных интересов, с которыми, по счастию для евреев, совершенно солидарны самые высшие вопросы истинного человеколюбия и справедливости. А потому евреи ждут времен отрады и покоя от *правительства*, которое столь вознесено над низменными сферами меркантильных соображений, что может видеть дело ясно и решать его, имея в виду высшую выгоду — выгоду государства.

Друзья справедливости и беспристрастия благодарны честным людям из московского купечества, поднявшим свой голос за евреев в «Московских Ведомостях» М.Н.Каткова; они ценят и то, что г. Аксаков показал эксплоататоров ровно в десять раз более опасных, чем евреи, ценят они и другие усилия рассмотреть еврейский вопрос без злобы и гнева; но для них ясно, что решения этого вопроса нужно ждать только от правительства. Особенно русское, безгранично полновластное правительство, не поставленное в необходимость соображаться со взглядами и стремлениями партий, представляется еврейству единственною силою, которая может дать их делу скорейшее и наилучшее направление.

Евреи в России будут поставлены как должно только тогда, когда они дождутся себе общечеловеческих прав, равных со всеми русскими подданными непривилегированных классов. Вне этого возможны бесчисленные компромиссы, но настоящее, удовлетворительное решение никогда не возможно.

1) Нужно дозволить евреям жить во всех без ограничения местах Империи и заниматься ремеслами и промыслами, дозволенными законом, наравне со всеми прочими подданными государства, и

2) нужно уничтожить все отдельные еврейские общества по отбыванию повинностей, нужно полное совмещение в этом отношении евреев со всеми другими обитателями страны, с которыми евреи должны нести государственную и земскую тягу и подлежать за всякое нарушение гражданского долга и общественной безопасности равной со всеми ответственности перед законами.

Всякие особые правила, сколько бы они ни были предусмотрительны, не предоставят этому делу закончания, а только отодвинут его решение вглубь времен, которым по естественному ходу событий, может быть, предлежат ныне, более хлопотливые заботы.

Пока еврейский вопрос не будет разрешен в этой самой простейшей форме без всяких привилегий и даже, пожалуй, с устранением евреев от карьерных путей служебной деятельности, до тех пор литература европейских народов, свободная в выражении господствующих идей времени, всеконечно не перестанет высказываться против пригнетения евреев в России, а в случае каких бы то ни было столкновений на Западе русское правительство будет иметь в евреях людей им недовольных и потому ему не преданных... Это, конечно, можно игнорировать, но только в известной степени, и притом нельзя отрицать, что это все-таки не будет оставаться без влияния на экономические и политические выгоды государства.

Частные лица, особенно из среды людей, незнакомых с политическими условиями международных отношений, обыкновенно думают, что все это касается одних лишь тех, кто ведет биржевую игру или имеет непосредственные торговые отношения с заграничными рынками, но, по счастию, решение еврейского вопроса в настоящую минуту зависит не от суждения таких людей.

Государственные люди, умам которых открыты истинные выгоды международного положения государства, конечно, не станут на точке зрения умов стесненных в своем суждении суеверными опасениями или мелкой завистью к расторопным конкурентам.

Только такое решение еврейского вопроса будет правильно и сообразно с истинными выгодами великого государства, которое уравняет русских подданных еврейского исповедания со всеми подданными русского государства без различия их по их племенному происхождению и по вере.

Н.С.Лесков
Евреи в России
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
ПО ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

Отв. за выпуск М.Т.Работяга
Технический редактор А.В.Качалкин
Корректор Д.И.Альбеткова

Сдано в набор 05.04.94 г. Подписано в печать 15.05.94 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 3000 экз. Заказ 902т
